

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2022. № 3 (21)

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2022

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2022. № 3 (21)

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2022

2022. 3 (21).

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культуры и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Фото на обложке – Inside View of Library with Barrel vault ceiling URL: <https://freerangestock.com/photos/129770/inside-view-of-library-with-barrel-vault-ceiling.html> (дата обращения: 10.09.2022).

2022. 3 (21).

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);
Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);
Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Photo on the cover: Inside View of Library with Barrel vault ceiling URL: <https://freerangestock.com/photos/129770/inside-view-of-library-with-barrel-vault-ceiling.html> (accessed 10.09.2022).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Никольский Е. В., Ястребов-Пестрицкий М. С. ИСТОКИ
РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ПУБЛИЦИСТИКА
РОМАНИСТА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА 13

РАЗДЕЛ II. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

Овчарова С. В. ЭЛЕМЕНТЫ ЭСТЕТИКИ НЕМЕЦКОГО
НАТУРАЛИЗМА В ТЕКСТАХ «RAMMSTEIN» 25

Рожкова А. В. ЭПИТЕТЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ
В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО 35

РАЗДЕЛ III. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

Жавнерович М. С. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММУНИКАЦИЯ В РОМАНАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА
1990-Х И 2000-Х ГОДОВ 46

РАЗДЕЛ IV. СЕМИОТИКА: МИР КАК ТЕКСТ

Петров А. В., Ярина Н. В. СТАТЬЯ ЕЛИЗАВЕТЫ
ДЪЯКОНОВОЙ «О ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ» (1902):
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ФЕМИНИЗМА И ТОЛСТОВСТВА 55

РАЗДЕЛ V. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

Рядинская Я. А. ПОВЕСТЬ-СКАЗКА «ЧЕРНАЯ КУРИЦА,
ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ» А. ПОГОРЕЛЬСКОГО И ЕЕ
ЭКРАНИЗАЦИЯ 1980 ГОДА (ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ
ПОДХОД НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ) 70

РАЗДЕЛ VI. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Харитонова С. В. К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЯХ
ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ 80

АВТОРАМ 88

CONTENTS

PART I. HISTORY AND THEORY OF GENRES: THE DIALECTIC OF FORM AND CONTENT

Nikolsky E. V., Yastrebov-Pestritsky M. S. THE ORIGINS OF RUSSIAN JOURNALISM: NOVELIST VSEVOLOD SOLOVYOV'S JOURNALISM 13

PART II. POETICS OF THE LITERATURE

Ovcharova S. V. ELEMENTS OF THE AESTHETICS OF GERMAN NATURALISM IN THE TEXTS OF «RAMMSTEIN» 25

Rozchkova A. V. EPITHETS IN THE EARLY LYRICS OF V. K. TREDIAKOVSKY 35

PART III. NATIONAL MODEL OF THE WORLD IN LITERATURE

Zhavnerovich M. S. MYTHOLOGICAL COMMUNICATION IN VICTOR PELEVIN'S NOVELS OF THE 1990S AND 2000S 46

PART IV. SEMIOTICS: THE WORLD AS A TEXT

Petrov A. V., Yarina N. V. ELIZAVETA DYAKONOVA'S ARTICLE «ON THE WOMEN'S QUESTION» (1902): FROM THE HISTORY OF RUSSIAN FEMINISM AND TOLSTOYISM 55

PART V. COMPARATIVISTICS TODAY: TASKS – IDEAS – SCHOOLS

Ryadinskaya Y. A. THE TALE «THE BLACK HEN, OR THE UNDERGROUND INHABITANTS» BY A. POGORELSKY AND ITS 1980 FILM ADAPTATION (AN INTERMEDIATE APPROACH IN LITERATURE LESSONS AT SCHOOL) 70

**PART VI. TRANSLATION
AND TRANSLATION STUDIES**

Kharitonova S. V. ON THE ISSUE OF TECHNOLOGIES FOR
TEACHING A PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN
LANGUAGE AT A TECHNICAL UNIVERSITY 80

TO AUTHORS 88

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА
ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ**

УДК 82-391; 070.1

ББК 83.3; 76.0

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_13

**ИСТОКИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ:
ПУБЛИЦИСТИКА РОМАНИСТА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА**

Е. В. Никольский¹

*Институт современных гуманитарных исследований,
Москва, 119361, Озёрная, 19-1/138
eugenius-09@ukr.net*

М. С. Ястребов-Пестрицкий²

*Государственный архив РФ,
119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17
mup-63@mail.ru*

В статье представлены общие взгляды исторического романиста Всеволода Сергеевича Соловьева, (1849–1903), сына известного историка Сергея Михайловича Соловьева, на русскую аристократию, её место в русском обществе, её аристократические традиции и культуру. Проанализировано публицистическое (и – в малой степени – художественное) наследие писателя. Основная мысль настоящей научной работы в том, что, несмотря на ещё не полностью сложившееся деление литературы на жанры, можно, учитывая многочисленные статьи Всеволода Соловьева в периодической печати того времени, считать его публицистом, оставляя при этом за ним и право называться автором исторических романов. Талантливый автор талантлив во всём. Однако, даже имея безупречный талант, Вс. Соловьев не мог сразу и безоговорочно принять новых веяний, изменивших, в конце концов, страну (впрочем, это произошло уже после его смерти). В работе говорится и о безграничной любви

---

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук, профессор, доктор богословия, Институт современных гуманитарных исследований, Москва, Россия.

² Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, ведущий специалист, кандидат филологических наук Научная библиотека Госархива РФ (НБ ГАРФ), Москва, Россия.

Вс. Соловьева к отцу, историку С. М. Соловьёву, который был для него непререкаемым авторитетом как в исторической науке, так и в следовании уже упомянутым аристократическим традициям русского дворянства. Разветвленный род Соловьевых, как можем убедиться, включал в себя ученых, исследователей, литераторов, священнослужителей, людей искусства. Вс. Соловьёв, кроме того, увлечённо занимался издательским делом. Возможно, его ранняя смерть не позволила ему воплотить каких-то творческих замыслов, без осуществления которых отечественная литература и публицистика понесли определенные потери. Вс. Соловьёв привлекателен сегодня читателю именно тем, что на все главные события, происходившие в Российской Империи его эпохи, отзывался интересными публикациями.

Ключевые слова: аристократия, монархизм, благородство, историческая проза, семейная хроника

Всеволод Сергеевич Соловьёв не был «профессиональным» публицистом, и поэтому он не создал целостной системы воззрений на общественное бытие человека. Его главным делом было литературное творчество. Это не означает, однако, что социальные вопросы выпали из круга его интересов. Напротив, он придавал им серьезное значение, рассматривая их как неотъемлемую и очень важную сферу жизни. Система взглядов романиста на социум представлена в его публицистическом наследии. Эти идеи отличались необычайной ясностью, продуманностью и определенностью, они вполне поддаются реконструкции как нечто целостное и внутренне единое.

В своем кратком очерке о Всеволоде Сергеевиче Соловьёве его племянник, греко-католический священник и публицист о. Сергей Соловьёв, писал, что писатель был «монархистом без рассуждения» [15, 19]. Данное краткое высказывание дает лишь самую общую характеристику его взглядам. В своих письмах беллетрист почти не касался идеологических вопросов, предпочитая передавать своим корреспондентам и их близким добрые пожелания и обсуждать текущие (в т. ч. издательские) дела. В 1883 году в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание на царство Александра Третьего. Вс. Соловьёв не присутствовал на коронации, но всей душой отзывался на это событие, что подвигло его в том же году издать небольшую брошюру «Москва 15 мая 1883 года» (с подзаголовком «Обращение к детям»), в которой он искренне и открыто высказал свои монархические воззрения.

Отметим, что большой оригинальности в ней автор не достиг: содержание этой брошюры сводилось к повтору обыкновенных для самодержавной России сентенций о верности и преданности своему монарху и несколько назидательных (с сегодняшней точки зрения) увещаний о долге и обязанностях перед царем и его империей. Нам трудно упрекать его в какой-либо конъюнктурности, ибо он искренне и открыто изложил то, о чем думал и что чувствовал. Вс. Соловьев, в частности, писал: «Народ служит Царю, а Царь служит народу, и царское служение – самое великое, самое многотрудное, какое только может выпасть на долю человека. Вся жизнь монарха должна быть наполнена постоянной, не ослабевающей заботой о добре и пользе для народа, для подданных, на которых Царь смотрит как на родных своих детей. И эти десятки миллионов русских людей должны находить у Царя неизменную правду, любовь и милость» [12, 5].

Писатель считал, что только Бог может дать человеку силу и мудрость для несения царского служения, и поэтому глубокая вера самого самодержца (в данном случае – Александра III) в силу божественной благодати, принимаемой во время священного таинства коронавания, и молитвы православной церкви способствуют благополучию императора и процветанию отчизны.

Как писал о. Сергей Соловьев: «Всеволод Сергеевич был совсем из другого материала, чем его отец и братья. И, может быть, только он <...> воспринимал русское Православие в его восточной стихии, с «царем-батюшкой», с полной пассивностью, смирением, сознанием коренной порчи человеческой природы, бессилия личности перед судьбой и надеждой на милосердие Божие» [15, 23].

Монархические взгляды писателя обусловили тематические предпочтения в его творчестве. Ряд его исторических произведений содержит концепт «царь, царский»: «Жених царевны», «Царское посольство», «Царь-девица», «Юный император». Перу Всеволода Соловьева принадлежат 14 исторических романов, в которых он описал как политические деяния, так и личную жизнь представителей царствовавшей в России династии Романовых, а также их сподвижников и фаворитов.

Но «порой революционно быстро происходит переоценка ценностей в таких областях, как нравственность и культура. Подобные метаморфозы и трансформации понятий передовой части общества возможно проследить при внимательном изучении архивных материалов, представляющих собой широчайшее поле для научных исследований, в том числе и лингвистических» [17, 6]. Например,

Е. В. Никольский, М. С. Ястребов-Пестрицкий

в начале XX века оказалась возможной перемена дворянской фамилии (см. об этом: [18, 45]).

В одной из статей, сохранившихся в фондах Российского Государственного Архива Литературы и Искусства (РГАЛИ), Всеволод Соловьев, размышляя о сущности и назначении высшего сословия как такового, писал: «Аристократию родовую считают ныне обыкновенно каким-то болезненным, временным или ненормальным продуктом, или, по крайней мере, праздным украшением жизни <...>, но все это – эгалитарные верования; при ближайшем наблюдении оказывается, что именно те государства были плодотворнее и могущественнее других, в которых, при монархических наклонностях, сверх того и аристократия родовая держалась упорнее. Рим патрициев и оптиматов прожил дольше купеческого Карфагена и больше сделал для человечества. Древний Ирак возобновили после полнейшего разгрома феодальные парфяне и благодаря их влиянию жила великая империя Сасанидов, цивилизация которой повлияла на Византию, а через ее посредство и на Европу, и на нас» [8].

Изменения в социальном и нравственном состоянии дворянства, произошедшие за период с 1860 года по 1889 год (время написания статьи Вс. Соловьева) вызывали беспокойство писателя. Согласно его взглядам, после Великих реформ Александра II сословные принципы русской знати расшатались, утратился дух чувства долга, чести и порядочности. Дворянство как высшее сословие становилось некоей фикцией, что, по мнению публициста, способствовало дезорганизации социально-политического устройства империи. Как писал, развивая данную тему, Вс. Соловьев: «Разве не благодаря этому забралось в государство разные тайные силы, которые, будучи ничем не регулированные <...> начали было расшатывать государственный организм?» [9, 837].

Одной из причин оскудения русской знати, по мнению автора, было то, что сами дворяне способствовали своему падению. Если бы крепче были привиты сословные традиции долга и чести, «знать не дошла бы до такого жалкого состояния» [9, 884].

Одним из путей выхода высшего сословия из кризиса Вс. Соловьев видел в том, чтобы сформировать у нового поколения четкие принципы поведения, основанного на высокоразвитом чувстве долга и сословной чести: «...только одно воспитание (созидательное и строго продуманное) <...> в понятиях о нравственных обязанностях, сопряженных с почетным званием дворянина, – может создать истинных дворян, крепких и лучших слуг отечества, царя <...> и истинных и верных детей Христовой Церкви» [9, 886].

Другим способом упрочения положения дворянства в Российской империи писатель считал упрочение экономической базы высшего сословия, в том числе возвращение в свои родовые вотчины, к земле, с целью развития и реформирования сельского хозяйства. Вс. Соловьев считал, что соединение буржуазного начала и вековых традиций дворянской культуры, образованности и чести может улучшить положение не только аристократии, но и всего общества в целом. Пример благородства русской знати он видел в прошлом старомосковского и древнероссийского боярства, которое, в отличие от западноевропейской аристократии и польской шляхты, не заключало никаких пактов со своими царями и великими князьями. Чувство русского дворянина по отношению к монарху может быть «понятно только русскому человеку, так как русские дворяне сочли бы кощунством вступать в <...> договорные отношения со своими государями» [9, 835]. Приведенные примеры из статей Всеволода Соловьева показывают его глубокую заинтересованность в судьбе дворянского сословия, принадлежность к которому писатель высоко ценил.

Во второй половине XIX века внимание многих обывателей было обращено к парапсихологии и гипнозу (в терминологии тех лет – «магнетизму»). Частично это отразилось и в литературе, например, в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», и в публицистике.

В таком культурном контексте обращение братьев Соловьевых к таинственному не представляется нам чем-то необычным и оригинальным. На наш взгляд, гораздо целесообразнее проследить эволюцию восприятия Всеволодом Соловьевым мистики и то, как эти глубокие и многолетние духовные поиски отразились в его романах.

Широкое распространение спиритизма и иных форм внехристианской «духовности» вызвало со стороны лиц, глубоко и осмысленно принимавших учение Христовой Церкви, вполне обоснованную и своевременную критику (Св. Феофан Затворник, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, Вс. С. Соловьев, А. Ф. Тютчева, протоирей о. Иоанн Полисадов и другие) [6, 254–258]. В таком историческом литературном контексте появление публицистических очерков романиста и художественных произведений, осмысливших этот культурный феномен, было вполне актуальным. В некоторых случаях, публицистику как жанр мы выделяем с некоторой долей условности: не до конца ещё устоялись в рассматриваемую эпоху жанровые понятия. К. К. Джафарова в своей работе приводит характерный пример: «В “Учебной книге словесности для русского юношества” Н. В. Гоголя <...> среди эклог встречается стихотворное

Е. В. Никольский, М. С. Ястребов-Пестрицкий

произведение И. И. Дмитриева “Ермак”, жанр которого до сих пор определяется по-разному – “стихотворение”, “поэма”, “драматическая поэма”, “историческая баллада”». [4, 93]. Мы же, называя определённые произведения Вс. Соловьёва публицистикой, будем исходить из сегодняшней классификации литературных произведений.

В 1889 году в журнале «Север» [11, 172]. Вс. Соловьёв поместил свою публицистическую статью «Искание религии», в которой вновь затронул некоторые аспекты осмысления теософии и спиритизма.

В своё время заинтересованностью этой сферой бытия Вс. Соловьёв поделился с Достоевским. Ф. М. Достоевский, однако, оставил его письмо без ответа. Но во время их совместного путешествия по Германии маститый писатель раскрыл своему коллеге собственный взгляд на эту проблему [11, 174]. Всеволод Соловьёв был одним из первых авторов, затронувших данную тему в публицистике: «Два десятка лет я пишу и написал много. Во всех моих, может быть, и крайне несовершенных писаниях невозможно найти ничего, что исходило бы не от христианина» [13, 360].

Таковы высказывания писателя по социально-политическим и религиозным вопросам. Значительно реже он раскрывал свои взгляды по литературно-эстетическим вопросам.

В своей статье «Граф Лев Толстой» [7, 854–855]. Вс. Соловьёв, оценивая высоко великого писателя как художника, всё же не признавал в нем авторитет мыслителя. А в проповедях Толстого он видел отступление от христианства. С близких позиций много внимания уделял полемике с Толстым и Владимир Соловьёв. Например, в работе «Оправдание добра» (1897) он полемизировал с Толстым как с писателем, считая его «образом фальшивого, поддельного христианина» (а потому предшественника антихриста). Во многом резко расходившиеся здесь братья имели точку соприкосновения: в отношении к Толстому, с которым оба полемизировали, и к Достоевскому – оба считали его своим учителем.

Всеволод Соловьёв вошел в историю русской словесности прежде всего как исторический романист. Выбор литературных предпочтений был осуществлен благодаря воздействию личности его отца, историка С. М. Соловьёва.

Один из биографов, знавший лично писателя, так оценивал степень влияния отца на творчество Вс. Соловьёва: «Разумеется, слишком легко гордиться таким отцом, как Сергей Михайлович Соловьёв, но помимо гордости здесь сказывалась глубокая сыновья любовь. Всё, касавшееся отца, в глазах его сына носило как бы священный отпечаток. Он нередко приводил мнение Сергея

Михайловича по разным вопросам, <...> повторял: “Я часто держусь тех же взглядов, каких держался покойный отец”, и, тем не менее, образ его мыслей отличался, в общем, большей оригинальностью и самостоятельностью» [3, 12]. Главное, в чем отец служил примером для Всеволода, – это в любви к отечественной истории. Какие же взгляды отца на историю, разделяемые сыном, легли в основу художественных исторических повествований Вс. Соловьева?

Сергей Михайлович был убежденным приверженцем идеи государственности и считал, что государство, «какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется, потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка» [14, 31]. Только через государство или, как писал С. М. Соловьев, через правительство, проявляет народ свое историческое бытие. Отсюда следует, что историк должен «изучать деятельность правительственных лиц, ибо в них находят лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни» [14, 29]. Так решил С. М. Соловьев одну из главных проблем исторической науки – проблему народа и истории.

Всеволод Сергеевич Соловьев был сознательным православным христианином. Упадок благочестия, распространение атеизма и спиритизма (а позднее и теософии) вызывали в нем чувства опасения и глубокой горечи. В своей статье о религиозном равнодушии в журнале «Север» он размышлял над тем, что сознательный материализм превращает человека в животное, притупляет все его высокие чувства, погружает в сферу самых грубых ощущений и «несмотря на все доводы и обольщения, не способен дать» [10, 134] истинной радости бытия.

Во многом Вс. Соловьёв предсказал будущее. Г. Ш. Бахшиева, применительно к судьбе английского писателя уже XX века, рассуждает: «XX век лишил человека источников, на основании которых он ранее мог бы найти объяснение <...> событиям. Современный человек отказался от мифологического мышления, объяснявшего природу и мировой порядок, а также от религии, которая некогда руководила и направляла, и был уверен, что найдет ответы на все вопросы и будет править миром на основе науки и логики. Однако он потерял себя перед лицом событий, которые не мог объяснить, и впал в состояние первобытного существа...» [1, 42].

А далее, с развитием коллективизации, и вовсе будет осмеяно то, что было дорого и свято для людей XIX века (об ироничном отношении к служителям культа – см. в нашей работе: [16, 75]).

Данной проблематике Вс. Соловьев посвятил два пространных очерка, которые опубликовал в собственном журнале «Север». Однако ещё до возникновения этого журнала писатель неоднократно проявлял себя как публицист.

В период сотрудничества в «Петербургских Ведомостях» творческая деятельность Вс. Соловьева проходила как бы по двум линиям: писательской – создания многочисленных романов, прежде всего исторических, и газетно-журнальной. Но эти два направления в творчестве писателя можно выделить лишь условно, ибо и в газетных фельетонах, как тогда называли статьи, обзоры, рецензии, и в художественных произведениях Вс. Соловьев отстаивал свой взгляд на литературу, как на изящную словесность, чистое искусство, чуждое грубому реализму и натурализму, свое отношение к истории, как к процессу эволюционному. Революционные же взрывы и возмущения считал не закономерным явлением исторического процесса, но исключением из правил, рецидивом болезненного состояния общественной нравственности. Он мог бы подписаться под словами своего отца, который утверждал, что «перемены в правительственных формах должны исходить от самих правительств, а не должны вымогаться народами у правительств путем возмущений» [14, 31].

Всеволод Соловьев, как и его отец, был противником любых радикальных методов разрешения социально-политических проблем: революций, государственных переворотов, национально-освободительных движений и т. д. В качестве единственного верного и бескровного выхода из критических состояний общества и государства он предполагал эволюционное развитие и разумные реформы, осуществляемые просвещенным и благородным монархом с помощью верных ему соратников. Этими особенностями его мировосприятия можно объяснить негативную трактовку в романах «Хроника четырех поколений» французской революции конца XVII века, движения декабристов в России и польского восстания 1831–1832 годов.

Таким образом, во многом писатель проявлял свою творческую индивидуальность, свое понимание исторического процесса, что в соединении с художественным мастерством позволило ему создать ряд ярких произведений, снискавших популярность у массового российского читателя как в XIX веке, так и на рубеже веков. В связи с этим нам хотелось бы вспомнить высказывание его современника: «Не отрицаем, что такое чтение возбуждало историческое любопытство, от которого недалеко до научного

интереса к истории. Культурное влияние Всеволода Соловьева в этом смысле значительно» [5, 140].

Специально отметим, что характер мировоззрения Всеволода Соловьева и задачи его творчества, сформированные им в беседах с его биографами, отзывы критиков (в т. ч. его племянника о. Сергия Соловьева и философа А. Ф. Лосева) позволяют нам отнести его к разряду писателей-беллетристов. Как известно, массовое чтение, согласно показаниям наблюдений и опросов, нередко направляется именно просветительским импульсом пишущего.

Исходя из фрагментов публицистических работ, следует специально отметить, что отдельные мысли Вс. Соловьева созвучны некоторым идеям Н. А. Бердяева, выраженным в книге «Философия неравенства». В ней Н. А. Бердяев доказывал, что нельзя отвлекать человека от «его предков, от его наследственных традиций и навыков, от его воспитания, от столетий и тысячелетий, живущих в его крови, в клетках его органического существа, от всех органических связей человека» [2, 590]. Опираясь на суждения, весьма распространенные в дворянской сфере, в этом ракурсе Вс. Соловьев рассматривал такие явления, как семья, род, человеческая личность. Обращение автора к генеалогическим мотивам, таким образом, было не только данью многовековой литературной традиции, но стремлением глубже изучить интересовавшие его различные стороны общественной и частной жизни русского дворянина.

В целом же Вс. Соловьёв смотрел в будущее оптимистично, ибо это было обусловлено верой писателя в позитивное завтра своей страны и своего сословия.

Литература

1. Бахшиева Г. Ш. Тема греха и наказания за грехи в романе Уильяма Голдинга «Воришка Мартин» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. Вып. 4. С. 41–48.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Судьба России. Москва: Эксмо, 2001. 620 с.
3. Быков П. В. Вс. С. Соловьев: Его жизнь и творчество // Соловьев Вс. С. Полное собрание сочинений: в 42 т. Т. 1. Петроград: П. П. Сойкин, 1917. С. 3–49.
4. Джафарова К. К. История и теория литературы в поздней публицистике Гоголя // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. Вып. 2. С. 93–96.
5. Измайлов А. И. Всеволод Соловьев. Очерки творчества // Вс. Соловьев. Полное собрание сочинений. 1904. Т. 1. С. 3–34.

6. Лесков Н. С. *Философы спиритизма* // Лесков Н. С. *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Публицистика.* Москва: Экран, 1993. С. 251–276.
7. *Нива.* 1879. № 43. СПб. С. 854–855.
8. РГАЛИ. Ф. 191., оп. 1, ед. хр. 3291, лист 96–98.
9. *Север.* 1889. № 42. СПб.
10. *Север.* 1889. № 7. СПб.
11. *Север.* 1889. № 9. СПб.
12. Соловьев Вс. С. Москва 15 мая 1883 года Письмо детям. (Обращение к детям). С.-Петербург: Типография А. Ф. Маркса. 1883. 16 с.
13. Соловьев Вс. С. *Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е. П. Блаватской и «теософским обществом».* С.-Петербург: Типогр. общ. «Общественная Польза», 1893. 370 с.
14. Соловьев С. М. *Сочинения.* Москва, 1988. Кн. 1. Москва: Мысль, 1988. 797 с.
15. Соловьев С. М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. Москва: Республика, 1997. 431 с.
16. Ястребов-Пестрицкий М. С. Семантические и морфологические особенности метафорического поля «Путешествия по Камчатке» И. Сельвинского // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «Языкознание».* 2018. Т. 33. Вып. 1. С. 69–78.
17. Ястребов-Пестрицкий М. С. Университетская и общественно-просветительская жизнь Российской империи. Взгляд филолога-архивиста на дореволюционную прессу России (публицистиковедческий очерк) // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «История».* 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 6–12.
18. Ястребов-Пестрицкий М. С. Частные и казённые объявления дореволюционной прессы: гендерная грамматика, орфография, топонимика и антропонимика // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «Языкознание».* 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 43–48.

REFERENCES

1. Bakhshieva G. Sh. Tema grekha i nakazaniya za grekhi v romane Uil'yama Goldinga «Vorishka Martin» // *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* 2021. Т. 36. Вып. 4. Р. 41–48. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva* // Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii.* М.: Eksmo, 2001. 620 p. (In Russ.).
3. Bykov P. V. Vs. S. Solov'ev: Ego zhizn' i tvorchestvo // *Solov'ev Vs. S. PSS,* Т. 1. SPb., 1917. P. 12. (In Russ.).

4. Dzhafarova K. K. Istoriya i teoriya literatury v pozdnei publitsistike Gogolya // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2021. T. 36. Vyp. 2. P. 93–96. (In Russ.).
5. Izmailov A.I. Vsevolod Solov'ev. Ocherk zhizni i tvorchestva // Vs. Solov'ev. Poln. sobr. soch., t. 40, SPb., 1904. P. 140. (In Russ.).
6. Leskov N. S. Filosofiy spiritizma // Leskov N. S. Sobranie sochinenii v 6-ti tomakh. T. 3. Publitsistika. M., 1993. P. 254–258. (In Russ.).
7. Niva. № 43. SPb., 1879., p. 854–855. (In Russ.).
8. RGALI. F. 191., op. 1, ed. khr. 3291, list 96–98. (In Russ.).
9. Sever. № 7. SPb., 1889. (In Russ.).
10. Sever. № 9. SPb., 1889. (In Russ.).
11. Sever. № 42. SPb., 1889. (In Russ.).
12. Solov'ev Vs. S. Moskva 15 maya 1883 goda. SPb., 1883. (In Russ.).
13. Solov'ev Vs. S. Sovremennaya zhritsa Isidy. SPb., 1904. (In Russ.).
14. Solov'ev S. M., svyashchennik. Ocherk o Vsevolode Sergeeviche Solov'eve. (In Russ.).
15. Solov'ev S. M. Sochineniya. M., 1988. Kn. 1. (In Russ.).
16. Yastrebov-Pestritsky M. S. Semanticheskie i morfologicheskie osobennosti metaforicheskogo polya «Puteshestviya po Kamchatke» I. Sel'vinskogo // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. Razdel «Yazykoznanie». 2018. Tom 33. Vyp. 1. P. 69–78. (In Russ.).
17. Yastrebov-Pestritsky M. S. Universitetskaya i obshchestvenno-prosvetitel'skaya zhizn' Rossiiskoi imperii. Vzgl'yad filologa-arkhivista na dorevol'yutsionnyuyu pressu Rossii (publitsistikovedcheskii ocherk) // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. Razdel «Istoriya». 2017. Tom 32. Vyp. 3. P. 6–12. (In Russ.).
18. Yastrebov-Pestritsky M. S. Chastnye i kazyonnye obyavleniya dorevol'yutsionnoi pressy: gendernaya grammatika, orfografiya, toponimika i antroponimika // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. Razdel «Yazykoznanie». 2017. T. 32. Vyp. 3. P. 43–48. (In Russ.).

THE ORIGINS OF RUSSIAN JOURNALISM: NOVELIST
VSEVOLOD SOLOVYOV'S JOURNALISM

Evgeny V. Nikolsky

Е. В. Никольский, М. С. Ястребов-Пестрицкий

Doctor of Philology (Dr. hab.), doctor of theology, Professor,
Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia)

Mikhail S. Yastrebov-Pestritsky

Scientific Library of the State archive of the Russian Federation
(SARF SL) (Moscow, Russia)

Abstract

Russian aristocracy, its place in Russian society, its aristocratic traditions and culture are presented in the article by the general views of the historical novelist Vsevolod Sergeyevich Solovyov (1849–1903), the son of the famous historian Sergei Mikhailovich Solovyov, about the Russian aristocracy, its place in Russian society, its aristocratic traditions and culture. The author analyzes the journalistic (and, to a small extent, artistic) heritage of the writer. The main idea of this scientific work is that, despite the not yet fully developed division of literature into genres, it is possible, given the numerous articles by Vsevolod Solovyov in the periodical press of that time, to consider him a publicist, while reserving for him the right to be called the author of historical novels. A talented author is talented in everything. However, even with impeccable talent, Vs. Solovyov could not immediately and unconditionally accept the new trends that eventually changed the country (however, this happened after his death). The work also talks about the boundless love of the S. Solovyov to his father, the historian S. M. Solovyov, who was for him an indisputable authority both in historical science and in following the already mentioned aristocratic traditions of the Russian nobility. The branched family of the Solovyovs, as we can see, included scientists, researchers, writers, clergymen, people of art. Vs. Solovyov, in addition, enthusiastically engaged in publishing. Perhaps his early death did not allow him to embody any creative ideas, without the implementation of which domestic literature and journalism suffered certain losses. Sun. Solovyov is attractive to the reader today precisely because he responded to all the main events that took place in the Russian Empire of his era with interesting publications.

Keywords: aristocracy, monarchism, nobility, historical prose, family chronicle

Для цитирования: Никольский Е. В., Ястребов-Пестрицкий М. С. Истоки русской журналистики: публицистика романиста Всеволода Соловьева // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 13–24.

Поступила в редакцию 19.05.2022

РАЗДЕЛ II. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3

УДК 821.112.2

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_25

С. В. Овчарова

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38*

ORCID 0000-0001-7856-5966

alexis-1@yandex.ru.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭСТЕТИКИ НЕМЕЦКОГО НАТУРАЛИЗМА В ТЕКСТАХ «RAMMSTEIN»

В статье предпринимается попытка раскрыть механизм рециркуляции тем и идей в рамках литературного творчества как одного из существенных свидетелей и показателей культуры. Объектом исследования служат тексты песен немецкой индустриал-метал-группы «Rammstein», на основе анализа которых автор выявляет очевидную взаимосвязь их тематики с эстетической концепцией немецких натуралистов конца XIX в., а также отмечает некоторые аналогии в особенностях её реализации.

Представители натуралистического направления принимали всю многогранную реальность человека и окружающего, включая любые негативные проявления, рассматриваемые искусством как нечто недостойное изображения, моветон. Поддерживая данную тенденцию, «Rammstein», в лице автора текстов, Гилля Линдемманна, на протяжении почти трёх десятков лет предлагает обществу так называемый «неудобоваримый», «неполиткорректный» продукт, обнажающий пороки и недостатки, имеющие отношение, прежде всего, к биологической природе человека. Противоречие между несовершенством человека и общества, с одной стороны, и стремлением преодолеть это состояние, с другой, не утрачивает свою актуальность в течение столетий и остаётся постоянным стимулом литературного творчества. Вариативной составляющей в данном случае являются конкретные общественно-исторические условия

и, как следствие, цель и особенности изображения проблемной ситуации. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что основой конфликта для немецких натуралистов послужили неприятие, игнорирование вышеупомянутого противоречия, в то время как в текстах «Rammstein» акцентируется внимание на излишней расположенности общества по отношению к его негативным проявлениям, их поощрению и, как итог, поглощению, ассимиляции этих проявлений.

Ключевые слова: «Rammstein», Тилль Линдемманн, немецкий натурализм, эстетика, традиция, литературная аллюзия, порок, табу

Введение

Рассуждения о своеобразии конкретного образца литературного творчества в русле его следования традиции либо отклонения от неё требуют начать с некоторых общих замечаний относительно понимания сути самого литературного творчества, которое, во-первых, представляет собой нечто вроде вторичной реальности, то есть, зарождаясь в этой реальности, развивается во что-то новое именно на её основе; и, во-вторых, несёт в себе определённые духовные ценности (см.: [1]). Духовные же ценности сами по себе опять-таки появляются не из пустоты, они вырабатывались на протяжении долгого пути развития общества и содержат результаты опыта предыдущих поколений.

Как следствие, литературное творчество всегда развивается в русле определённых культурно-исторических традиций, которые можно рассматривать в разрезе как глобальных, так и национальных литературных тенденций. Именно сочетание накопленного опыта, выражающегося в следовании известным литературным образцам, направлениям, сюжетам и т.п., с субъективным началом конкретного автора делает возможным появление уникальных и своеобразных, с одной стороны, и насыщенных актуальным, понятным для всех смыслом – с другой, литературных текстов.

В поэтических текстах немецкой группы «Rammstein», авторство которых в подавляющем большинстве случаев принадлежит вокалисту группы – Тиллю Линдемманну, отчётливо заметна та преемственность, которая указывает на его сопричастность национальной немецкой, а в широком смысле – европейской, как части мировой, культуре: «Обращение к истории позволяет группе не только создавать эпатажный медиапродукт, но и давать аудитории пищу для размышлений» [7, 314]. Эта тесная связь с традицией, «погружённость» в неё реализуется, прежде всего, посредством

всевозможных «архетипов, мифологем и других литературных аллюзий» [6, 287] в текстах песен, а также в актуализации и развитии некоторых идейно-тематических аспектов литературного наследия, о чём и пойдёт речь в дальнейшем.

Основная часть

Общая тематика текстов группы отнюдь не отличается оптимизмом и вызывает неоднозначные эмоции у публики, чаще всего – резко негативные. Провокационность и эпатаж – это, пожалуй, самые нейтральные характеристики, соотносимые с творчеством «Rammstein», группа «своим имиджем, своей музыкой, своими текстами и шоу провоцирует и вызывает самые противоречивые реакции» [9, 110]. «Эстетика «Rammstein» базируется на детальном и живописном изображении человеческих пороков, низменных инстинктов, психических и физиологических отклонений, страданий и насилия. Среди них – тщеславие и чувство мнимого превосходства над природой («Ich will», «Mutter», «Donaukinder»), равнодушие и эмоциональное выгорание, недовольство своим телом («Keine Lust»), садомазохизм и каннибализм («Ich tu dir weh», «Bestrafe mich», «Mein Teil», «Laichzeit»), похоть («Feuer und Wasser», «Rein, Raus», «Pussy»), безумие и одержимость инстинкта преследования («Waidmanns Heil», «Du riechst so gut»), гомосексуализм и содомия («Mann gegen Mann», «Bück dich»), инцест и педофилия («Tier», «Spiel mit mir»), наркомания («Adiós») и прочее.

Общий эмоциональный фон текстов мрачный, страшный, от немотивированных детских страхов – текст песни «Mein Herz brennt» (с нем. – *Моё сердце горит, здесь и далее перевод автора – О. С.*), где идёт речь о чудовищах, появляющихся из-под детской кровати, как только гаснет свет, – до патологий взрослого – композиция «Hilf mir!» (*Помоги мне*), описывающая непреодолимую тягу человека к огню и одновременно боязнь того, что огонь поглотит его. Примечательно то, что оба текста насыщены интертекстуальными отсылками (аллюзиями) к известным произведениям и образам немецкой культуры, первый – основан на народных сказаниях XVIII века о песочном человечке (нем. *Sandmann*), который погружал детей в сон, запорошив им глаза песком, а также одноименном рассказе Э.-Т.-А. Гофмана (1817). Кроме того, в конце 50-х гг. в Германии появилась детская телепередача «Das Sandmannchen» (*Песочный человечек*) – аналог российской «Спокойной ночи, малыши», где сказки детям рассказывал Das Sandmannchen. Каждую передачу он начинал словами «Nun, liebe Kinder, gebt fein Acht. Ich habe euch etwas mitgebracht» (*Так, дорогие детки, обратите*

С. В. Овчарова

внимание! Я кое-что вам принёс). Именно этими словами начинается и песня «Mein Herz brennt». Изначально образ песочного человечка не обладал зловещими чертами, но Тилль Линдеманн возводит его до высшего Кошмара с горящим сердцем, черпающего силы из детских слёз и страхов.

Текст второй песни отсылает нас к стихотворению Генриха Гофмана «Die gar traurige Geschichte mit dem Feuerzeug» (*Очень печальная история со спичками*) [10] из сборника для детей «Struwwelpeter» (*Стёпка-распёпка*) (1847) [2]. Героиня стихотворения, девочка Паулинхен, оставшись дома одна, поджигает спички и погибает в огне. Предназначенное для детской аудитории стихотворение носит «сугубо воспитательный характер» [12, 32], в то время как образ лирического героя в тексте Линдемана «Hilf mir!», несомненно, шире. Помимо промани, одержимости огнём, он содержит в себе идею очищения и перерождения человека после смерти –

Aus der Asche ganz allein
Steig ich auf zum Sonnenschein.

Das Feuer liebt mich (*здесь и далее тексты песен см.: [8]*).

«Из пепла в полном одиночестве я поднимаюсь к солнечному свету. Огонь любит меня».

Фон композиций характеризуется статичностью, граничащей с фатализмом. Создается впечатление, что основной проблемой человека автор текста считает его нахождение в плену своих низменных животных инстинктов и страхов, от которых он не в состоянии избавиться.

Показателен в этом смысле, например, текст песни «Tier» (*Зверь = Животное*), где Тилль Линдеманн рассуждает о правомерности отличия человека от животного, учитывая его (человека) бессилие перед собственными инстинктами. Нарушая требования морали и преступая все границы дозволенного, мужчина испытывает сексуальное влечение к собственному ребёнку, что и приравнивает его к зверю:

Er wird zu seiner Tochter gehen,
Sie ist schön und jung an Jahren.
Und dann wird er wie ein Hund
Mit eigen Fleisch und Blut sich paaren.

Was tuest du,
Was fühlst du,
Was bist du,
doch nur ein Tier.

«Он подойдет к своей дочери, она юна и красива. И затем, как собака, станет спариваться с собственной плотью и кровью. Что ты делаешь? Что ты чувствуешь? Что ты есть? Ты – всего лишь животное...»

В финале дочь убивает отца, отомстив за своё осквернённое тело и убитую душу. Поступок также более свойственный животным – расплата, око за око...

Sie taucht die Feder in sein Blut,
Schreibt sich selber einen Brief.
Entseelte Zeilen an die Kindheit,
als der Vater bei ihr schlief.

«Она опускает перо в его кровь, сама пишет себе письмо. Бездушные строчки детства, в котором отец с ней спал.»

Другой пример – текст песни «Weißes Fleisch» (*Белая плоть*), где помимо собственно описания сцены садизма и насилия подчёркивается неспособность индивида противостоять своей природе, даже учитывая факт осознания своего нездорового психического состояния и неотвратимости возмездия:

Jetzt hast du Angst und ich bin soweit.
Mein krankes Dasein nach Erlösung schreit.
Dein weißes Fleisch wird mein Schafott.
In meinem Himmel gibt es keinen Gott!

«Теперь ты напугана, и я готов. Моя больная сущность кричит об избавлении. Твоя белая плоть становится моим эшафотом. В моих небесах нет Бога!»

В тексте песни «Wollt ihr das Bett in Flammen sehen?» (*Хотите увидеть постель в огне?*) автор обращает внимание на тёмные стороны человеческой души, которые мы по обыкновению не замечаем, или не хотим замечать, реализуя свой замысел параллельно в ситуациях войны и любви, как противоборстве двух сторон:

Ihr seht die Kreuze auf dem Kissen,
Ihr meint euch darf die Unschuld küssen,
Ihr glaubt zu töten wäre schwer,
Doch wo kommen all die Toten her.
Sex ist eine Schlacht.
Liebe ist Krieg.

«Вы видите кресты на подушке, Вы думаете, что вас может целовать невинность, Вам кажется, что убивать тяжело... Тогда откуда берутся все эти покойники? Секс – это битва, Любовь – война.»

Если на войне насильственная смерть реальна и очевидна, то убийство в любви мы совершаем, бросая, предавая человека, причиняя смертельную боль его душе. Каждый человек скрывает у себя внутри своего собственного жестокого монстра, свой «скелет в шкафу», где-то очень далеко, глубоко, но его тень маячит...

В качестве характерной особенности данных текстов можно отметить тот факт, что лирическим героем всегда является сам носитель порока/низменных страстей, а не жертва этого носителя, например. Автор воспроизводит слова своего героя, в результате чего текст превращается в формулировку эстетической системы, в рамках которой персонаж полностью погружён в свою своеобразную «ненормальность», не пытаясь выйти за рамки обрисованной ситуации и изменить себя, он культивирует и вкушает её плоды. Ситуация доводится до апофеоза и абсурда, а сам текст фактически выглядит как «реклама», пропаганда отклонений.

Акцентирование внимания на приоритете биологического начала в человеке, его зависимости от физиологических законов, законов среды, равно как и отсутствию потребности и попыток лирического героя вырваться за пределы подобной внешней детерминированности недвусмысленно отсылает слушателя к эстетике немецкого натурализма 80-90-ых гг. XIX в. (см.: [3]). Именно натуралисты, чутко реагиовавшие на наиболее острые и актуальные проблемы общества, выбирали объектом своих исследований стороны жизни, считавшиеся запретными, «недостойными искусстваа» [5, 216]. Критики творчества «Rammstein» справедливо отмечают, что никто другой в музыкальном мире так не преуспел в виртуозной игре с табуированными темами, как это сделал Тилль Линдеманн. Кроме того, произведениям немецких натуралистов были свойственны отсутствие оценочного элемента и каких-либо обобщений, фотографичность и беспристрастность в изображении героев, либо сюжетов; подлинные причины изображаемого оставались за пределами повествования. Главная цель – чётко обозначить проблему, для чего натуралисты использовали приём «гипертрофии деталей» и, пренебрегая действием, обозначали лишь определённый «набор состояний» [11, 87]. Тексты «Rammstein» в равной мере не претендуют на какой-либо серьёзный анализ ситуаций и характера героев, в них не закладывается дальнейший «вектор» развития, не предлагаются готовые алгоритмы решения проблемных вопросов. Мы видим в них лишь гипертрофию порока, отклонения, застывшего в своём кричащем апофеозе.

Выводы

Учитывая ряд общих моментов в эстетике немецкого натурализма и текстах «Rammstein», нельзя не отметить и существенную разницу причинно-следственных связей, изображаемых немецкими натуралистами конца XIX в., с одной стороны, и Тиллем Линдеманном, с другой, явлений.

Немецкие натуралисты, исходя из соответствующих конкретно-исторических условий, прежде всего, обнажали контрасты буржуазной действительности и изображали пороки с целью обратить внимание на проблемы низших, опустившихся социальных слоёв, которые общество просто не хотело замечать, дистанцируясь от них, либо полностью исключая их из общей картины окружающей действительности.

Современное же нам общество в определённый момент своего развития полностью адаптировалось к человеческим порокам и акцептировало их, в результате чего порок стал нашей повседневностью, которую уже никто не замечает. А если и замечает, то не реагирует. Причём порок в нашей современной действительности стал «всеядным», он не ограничивается каким-либо отдельным социальным слоем, ему в равной мере подвержен каждый. Процесс адекватного восприятия порока как нечто недопустимого, негатива, табу угас вместе с соответствующей ответной реакцией на него. На фоне всеобщей толерантности, подмены понятий, заигрывания с собственными слабостями приходится обладать определённой долей смелости, чтобы называть вещи своими именами. В этой ситуации Тилль Линдеманн, живописуя порок, доводит его до гротеска, до абсурда, что, как минимум, выводит слушателя из зоны комфорта и нарушает рутину восприятия. Линдеманн лишает порок категории обыденности и возвращает ему его истинную чудовищную сущность, делая порок собственно пороком.

Принимая во внимание психологические особенности современного массового сознания, поэзия Тилля Линдемманна призвана, в первую очередь, привлечь внимание общества к негативным моментам, вызвать резонанс, поднять волну, или, пользуясь современным сленгом – «хайп», что следует понимать как потенцию изменений, движения в сторону *от порока*. Сам Тилль Линдеманн описывает это так: «Если ты можешь сегодня со сцены заявить I like to f*ck, люди шепотом спрашивают: “Что? Что он сказал?!” Это значит, тебя услышали, тебе удалось поймать их внимание. <...> Нужно найти колокол, в который ты будешь звонить. И звонить в нужное время» [4].

Литература

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. Москва: Прогресс, 1970. 656 с.
2. Гофман Г. Стёпка-растрёпка. Москва: Карьера Пресс, 2012. 24 с.
3. История немецкой литературы. Натурализм [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/istoriya-nemeckoj-literatury/naturalizm.htm> (дата обращения: 15.01.2022).
4. Лидер Rammstein Тилль Линдеманн: «Я сумасшедший с темной стороны луны» [Электронный ресурс]. URL: https://www.m24.ru/articles/Rammstein/24062015/77250?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 27.07.2021).
5. Мандель Е. Проблемы немецкого натурализма // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 215–219.
6. Михалева Т. М. Архетипы, мифологемы и иные литературные аллюзии в поэзии Тилля Линдеманна («Rammstein»). Несколько вариантов прочтения из множества возможных. // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2016. № 16. С. 258–275.
7. Михалева Т. М. Исторические факты и их представление в текстах песен и клипах немецкой группы «Rammstein». // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2020. № 20. С. 313–321.
8. Тексты и переводы песен Rammstein [Электронный ресурс] // URL: <http://rammstein-text.ru/> (дата обращения 15.11.2020).
9. Фукс-Гамбёк М., Шац Т. Горящие сердца. Неофициальная биография Rammstein. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2021. 300 с.
10. Hoffmann Heinrich. Die gar traurige Geschichte mit dem Feuerzeug // Heinrich Hoffmann. Der Struwelpeter. Ditzingen: Reclam Philipp Jun. Verlag GmbH, 2009. S. 5–6.
11. Munchov Ursula. Deutscher Naturalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 165 s.
12. Reichert Tobias. Songtextlyrik von Rammstein im Deutschunterricht. Bachelorarbeit. Universität Koblenz-Landau, 2017. 42 s.

REFERENCES

1. Arnaudov M. Psihologija literaturnogo tvorcestva [Psychology of literary creativity]. Moscow: Progress, 1970. 656 p. (In Russ.).
2. Hoffmann H. Stjopka-rastrjopka [Struwelpeter]. Moscow: Kar'era Press, 2012. 24 p. (In Russ.).
3. Istorija nemeckoj literatury. Naturalizm [The history of German literature. Naturalism] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/istoriya-nemeckoj-literatury/naturalizm.htm> (accessed 25.08.2022). (In Russ.).

4. Lider Rammstein Till' Lindemann: «Ja sumasshedshij s temnoj storony lunny» [Rammstein Leader Till Lindemann: «I'm crazy from the dark side of the moon»] [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.m24.ru/articles/Rammstein/24062015/77250?utm_source=Cop yBuf (accessed 30.08.2022). (In Russ.).

5. Mandel' E. Problemy nemeckogo naturalizma [Problems of German naturalism] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 1971. № 4. P. 215–219. (In Russ.).

6. Mihaleva T. M. Arhetipy, mifologemy i inye literaturnye alljuzii v poezzii Tillja Lindemanna («Rammstein»). Neskol'ko variantov prochtenija iz mnozhestva vozmozhnyh [Archetypes, mythologems and other literary allusions in the poetry of Till Lindemann («Rammstein»). Several reading options from a variety of possible ones] // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst [Russian rock poetry: text and context]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. gos. ped. un-ta, 2016. № 16. P. 258–275. (In Russ.).

7. Mihaleva T. M. Istoricheskie fakty i ih predstavlenie v tekstah pesen i klipah nemeckoj grupy «Rammstein» [Historical facts and their representation in the lyrics and videos of the German band «Rammstein»] // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst [Russian rock poetry: text and context]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. gos. ped. un-ta, 2020. № 20. P. 313–321. (In Russ.).

8. Teksty i perevody pesen Rammstein [Lyrics and translations of Rammstein songs] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rammstein-text.ru/> (accessed 15.08.2022). (In Russ.).

9. Fuks-Gambjok M., Shac T. Gorjashhie serdca. Neoficial'naja biografija Rammstein [Burning hearts. Unofficial biography of Rammstein]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2021. 300 p. (In Russ.).

10. Hoffmann Heinrich. Die gar traurige Geschichte mit dem Feuerzeug [The sad story of the lighter] // Heinrich Hoffmann. Der Struwwelpeter. Ditzingen: Reclam Philipp Jun. Verlag GmbH, 2009. P. 5–6. (In Germ.).

11. Munchov Ursula. Deutscher Naturalismus [German Naturalism]. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 165 p. (In Germ.).

12. Reichert Tobias. Songtextlyrik von Rammstein im Deutschunterricht. Bachelorarbeit [Lyrics by Rammstein in German lessons. Bachelor Thesis]. Universität Koblenz-Landau, 2017. 42 p. (In Germ.).

С. В. Овчарова

ELEMENTS OF THE AESTHETICS OF GERMAN NATURALISM
IN THE TEXTS OF «RAMMSTEIN»

Svetlana V. Ovcharova

Assistant Professor, Candidate of Philology, Nosov Magnitogorsk State
University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article attempts to reveal the mechanism of recycling themes and ideas within the framework of literary creativity, as one of the essential witnesses and indicators of culture. The object of the research is the lyrics of the German industrial metal band «Rammstein», based on the analysis of which the author reveals the obvious relationship of their themes with the aesthetic concept of German naturalists of the late XIX century, and also notes some analogies in the features of its implementation.

Representatives of the naturalistic trend accepted the whole multifaceted reality of man and the environment, including any negative manifestations considered by art as something unworthy of an image, a moveton. Supporting this trend, «Rammstein», in the person of the author of the texts, Till Lindemann, for almost three decades has been offering society a so-called «indigestible», «politically incorrect» product that exposes vices and shortcomings related primarily to the biological nature of man. The contradiction between the imperfection of man and society, on the one hand, and the desire to overcome this condition, on the other, has not lost its relevance for centuries and remains a constant incentive for literary creativity. The variable component in this case is the specific socio-historical conditions and, as a consequence, the purpose and features of the image of the problem situation. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the basis of the conflict for German naturalists was rejection, ignoring the aforementioned contradiction, while in the texts of «Rammstein» attention is focused on the excessive disposition of society in relation to its negative manifestations, their encouragement and, as a result, absorption, assimilation of these manifestations.

Keywords: «Rammstein», Till Lindemann, German naturalism, aesthetics, tradition, literary allusion, vice, taboo

Для цитирования: Овчарова С. В. Элементы эстетики немецкого натурализма в текстах «Rammstein» // *Libri Magistri*. 2022. № 3 (21). С. 25–34.

Поступила в редакцию 27.07.2022

ББК 81.411.2

УДК 81`36; 81`37; 81`38

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_35

А. В. Рожкова¹

*Петрозаводский государственный университет
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
ORCID 0000-0002-3778-502X
rozchkova@mail.ru*

ЭПИТЕТЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО²

Актуальность рассматриваемого вопроса объясняется тем, что отсутствуют специальные работы, в которых исследуются лексико-семантический состав, синтагматические свойства разных по структуре эпитетов в творчестве В. К. Тредиаковского. В предлагаемой статье анализируются эпитеты в стихотворениях, созданных в 1725–1730 годах и опубликованных в сборнике «Стихи на разные случаи».

Основным морфологическим способом выражения эпитета являются имена прилагательные, незначительно число причастий. Наряду с полными формами в текстах используются и усеченные, характерные для поэтического языка XVIII века. Основным местом эпитета по отношению к главному слову в словосочетании является контактная пре- и постпозиция. Структура сочетаний представляет собой соединений одиночного эпитета и определяемого слова. Единичны образования, включающие в себя несколько эпитетов при главном слове.

В силу доминирования прилагательного в роли эпитета именно эти слова стали основным объектом лексико-семантического и стилистического анализа. Адъективная лексика разнообразна по своему значению и стилистической принадлежности и выступает в сочетании с определяемыми словами, обозначающими разные предметы, явления, понятия. Эпитеты, характеризующие человека, отличаются обобщенностью и условностью. Такими же свойствами

---

¹Рожкова Анфиса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия.

²Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

обладают прилагательные, описывающие объекты природного мира. Примечательным оказывается отсутствие в репертуаре эпитетных единиц слов со значением чувственного (зрительного, слухового, тактильного) восприятия. Среди стилистически окрашенных эпитетов выделяются славянизмы. Также автор регулярно использует эпитетную лексику, характерную для народно-поэтического языка, при этом наблюдается повтор отдельных слов в текстах разной тематики. Некоторые сочетания с эпитетом носят индивидуально-авторский характер.

Полный состав эпитетов, их роль и место среди художественно-изобразительных средств в поэтическом языке В. К. Третьяковского ещё предстоит изучить и описать.

Ключевые слова: В. К. Третьяковский, XVIII век, эпитет, лексико-семантическая характеристика, стилистика художественного текста

Введение

Поэтическое творчество В. К. Третьяковского неоднократно становилось предметом филологических исследований, о чем свидетельствуют библиографические указатели [11] и обзорные статьи [8]. В то же время мало разработанным следует назвать такой аспект, как использование художественно-выразительных средств в произведениях поэта. Несмотря на отсутствие системного описания эпитетов в текстах В. К. Третьяковского, в некоторых исследованиях встречаются отдельные замечания. Н. Н. Запольская писала о «сложных» эпитетах в «Тилемахиде» [3, 449]. Исследуя это же произведение поэта, А. А. Алексеев пришел к выводу о стилиобразующем характере эпитетов [1, 94]. По наблюдениям Е. А. Морозовой, Третьяковский считал допустимым использование постоянных эпитетов, генетически связанных с народной поэзией [6, 190–191]. Косвенное обращение к вопросу об использовании эпитета В. К. Третьяковским встречается в контексте исследования поэтического языка других авторов XVIII века [9, 151–166]. В некоторых исследованиях особо отмечается преобладание глагольных форм [5, 166], [13, 66]. А. П. Тусичишный, говоря о глагольности поэзии Третьяковского, в то же время отмечает необычность окказиональных сочетаний с эпитетами и высказывает мысль о том, что эпитеты у В. К. Третьяковского «не являются центром его поэтической системы, они лишь служат для украшения» [13, 66].

Цель настоящего исследования – выполнить морфологический, стилистический и лексико-семантический анализ эпитетов,

извлеченных из стихотворений на русском языке, которые наряду с сочинениями на французском и с переводами вошли в сборник «Стихи на разные случаи» (1730). Этот сборник «включает, кроме любовной лирики, стихотворения политического, патриотического содержания, в которых поэт откликался на актуальные события современной ему общественной жизни» [12, 470].

В настоящей статье рассматриваются эпитеты, определяющие разные предметы (одушевленные, неодушевленные, абстрактные, конкретные и т. д.). За пределами анализа остаются определения качеств, состояний, действий, хотя и такие обнаруживаются в текстах В. К. Тредиаковского, например: *страшно закипели, громко заревели*¹.

Морфологические средства выражения эпитетов

Основной формой выражения являются имена прилагательные. Эпитеты, выраженные причастиями, немногочисленны. Единичными морфологическими средствами выражения эпитета являются числительные и местоимения.

Широко используются усеченные формы как прилагательных, так и причастий, которые были характерны для языка поэзии XVII–XVIII веков [4, 37]: Им. п. ед. ч.: *неверна, презельна, стужна, светло, увенчанна, недвижима, сияющая*; Им. п. мн.ч.: *мерзки, православны, славны, брачни, божески*; Р. п. ед. ч.: *(без) почтенна, храбра, яра, (от) солнечна*; В. п. ед.ч.: *вечну, сердечну, сиру, велику, иста, учреждenu*; В. п. мн.ч.: *печальны, дальны* и т. д. Некоторые эпитеты выступают как в полной, так и в усеченной формах: *велика радость – строй великой, солнце ясно – ясном небе*.

Позиция эпитета по отношению к главному слову

Данный аспект прежде всего связан с вопросом о порядке слов в текстах В. К. Тредиаковского. Исследователи ранее отмечали «раздробленность» речи, «механическую, логически не упорядоченную сцепку синтагм» [2, 77–78].

В описываемом материале следует выделить несколько вариантов расположения эпитета и определяемого слова. Контактное расположение эпитета в препозиции относительно главного слова: *враждебные ссоры*; контактное расположение эпитета в постпозиции относительно главного слова: *место природно*. Дистантное распределение компонентов имеет несколько вариантов: дистантное (через одно слово) расположение эпитета в препозиции относительно главного слова: *торжественной ехал колеснице*; дистантное (через два и более слов) расположение эпитета в препозиции относительно

¹ Цитаты приводятся по изданию [12] без указания страниц.

главного слова: *светлые* пламенем *наичистым* *оки*; дистантное (через одно слово) расположение эпитета в постпозиции относительно главного слова: *верность* *имать* *сердечну*; дистантное (через два и более слов) расположение эпитета в постпозиции относительно главного слова: *чадо* *прошу* *твой* *верный*. Варианты контактного распределения являются наиболее распространенными по сравнению с разновидностями удаленного расположения компонентов сочетания.

В редких случаях при нескольких эпитетах наблюдается опоясывающее их расположение относительно главного слова: *Любовною* *стрелю* / *Твоею* *золотою*.

В составном сказуемом эпитетный именной компонент имеет разное расположение, и здесь следует учитывать также его позицию по отношению к глаголу. Возможен прямой порядок и инверсированный: *«Петр пребывает весел»*, *«Почто весьма сиру мя оставил, любимый?»*, *«О когда хоть бы и в сем была та неверна!»*.

Как вариант синтагматической организации сочетания с эпитетом следует назвать намеренный разрыв компонентов, что усиливает экспрессивные возможности эпитета: *«Виват Россия! виват драгая! / Виват надежда! виват благая»*. В этом примере немаловажную роль играет также четырехкратный повтор этикетного приветствия и параллелизм компонентов сочетаний.

В качестве структурной особенности сочетаний отметим использование одиночного эпитета при главном слове. Нетипично употребление нескольких эпитетов, когда соответствующие члены предложения являются однородными: *«Стал я, нетерпеливый, Меркура улещать, / То гладким, то сердитым его словом прельщать»*, *«Где ни зимня нет, ни летнего зноя, цветы»*, *«Красны и вонны»*, *«принудила взять виды разны / Птичьи, скотски, красны, злообразны»*, *«Дни нам надо красны, / приятны и ясны»*.

В отдельных случаях субстантивированное прилагательное в функции эпитета выступает самостоятельно (описываемый предмет/лицо легко определяется из контекста) и берет на себя помимо художественно-изобразительной функции и номинативную: *Увы, мой Петре! Петре, верх царския славы! / Увы, предрагоценный! О судьб державы!»*

Лексико-семантическое выражение эпитетов и их художественно-изобразительные функции

Поскольку имя прилагательное является основным средством выражения эпитета, то именно эта группа будет рассмотрена подробно.

Словообразовательная структура слов-эпитетов простая: это слова первообразные или производные (ср., например, дериваты от имен собственных: *Марсова, сатурнов, Меркуриево*). Употребление сложных слов в качестве эпитета носит спорадический характер. В обследованном материале выявлены такие примеры: *винословна, благородна, краснозарных, злобразны*.

Эпитеты в анализируемых текстах выступают как образные определения самых разных отвлеченных понятий и конкретных предметов: *науки драгие без почтенна виду, благородстве высоком, беда неначайна, молчание (не так было) скучно, со сладкой музыкой, стихи печальны, страны дальны, дела храбра, плач главный* и другие. Среди эпитетов встречаются наиболее употребительные (далее эпитет и перечень связанных с ним слов даны в морфологической начальной форме, не всегда совпадающей с использованной в тексте): *красный* – место, цветы, слово, княгиня, виды, солнце, дни; *золотой* – цепочка, стрела, *златой* – век, скиптр, порфира, год; *великий* – дело, сила, веселье, строй, радость; *ясный* – солнце, небо, зарница, очи; *славный* – император, люди, Иовши.

Некоторые слова, использующиеся в качестве эпитетов, имеют стилистическую окраску. Прилагательное *гладкий* в переносном значении «Ласковый, льстивый (о словах)» [10, V, 121] было просторечным: «То гладким, то сердитым его словом прельщать». Славянизмами являются слова *зельный* [10, VIII, 165]: «туга *презельна*»; «*вящий*» [10, V, 77]: «но сия в сей красоте есть *вяща*»; *вонный* [10, V, 59]: «цветы / Красны и *вонны*; злообразный» [10, VIII, 193]: «виды разны / Птичьы, скотски, красны, *злобразны*». Народно-поэтическое звучание придают контекстам эпитеты в устойчивых сочетаниях с соответствующей окраской: «Факел с огнем *яра воску*»; «Разжени тучи, / Слезы *горючи*»; «Так в очах *ясных!* / Так в словах *красных!* / В устах *сахарных...*»; «леса *дремучи*».

Поскольку в центре стихотворения есть герой (исторический персонаж или воображаемое, вымышленное лицо), то присутствуют эпитеты, характеризующие человека: *прямая царица, бодра императрица, российский император славный, воине сильный, Петр пребывает весел, чадо верный, чада достойны, люди суть православны /... славны, прекрасными виделись княжнами, о красна княгиня, княгиня прекрасна, смертну тую* и др. Это примеры из стихотворений, которые по своему содержанию и тональности являются торжественными, прославительными, праздничными («Песнь», «Элегия о смерти Петра Великого», «Стихи эпиталамические на брак его сиятельства князя Александра

Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны»). Как видно, реализуемое посредством одиночного эпитета описание носит общий, во много условный характер и поддерживает заданную стилистическую направленность. Общий характер описания человека, деталей его внешности находим и в других примерах: «*Так в очах ясных! / Так в словах красных! / В устах сахарных...*»; «*ибо сердечна друга не могу забыть*», «*Представлять мила друга велели пред очи*». Устойчивые эпитеты используются и при описании объектов природного мира: «*при ясном небе*», «*зарница есть ясна*», «*цветы красны и vonны*», «*Зефир приятный*», «*леса дремучи*», «*быстры реки*».

Эпитеты включаются в метафорические перифрастические сочетания, образно номинирующие описываемые объекты. В частности, такой прием востребован в тексте «Стихи похвальные России», прославляющие родину поэта: «*Россия мати! свет мой безмерный!*», «*Небо российску ты солнце ясно!* / *Прямое сама вся благодство: / Божие ты, ей! светло изводство*». В стихотворении «Стихи о силе любви» происходит олицетворение описываемого чувства, в том числе и посредством эпитетного сочетания: «*Любовь его, княгиня главна, / Принудила взять виды разны*».

В исследованных текстах присутствуют созданные за счет эпитетов традиционные образы. Например, таким сочетанием является прилагательное *золотой* со словами темпоральной семантики для обозначения счастливого, безмятежного времени: «*Торжествуйте вси российсти народы: / У нас идут золотые годы*», «*Счастливо век вам золотой встает в благостыне*». Этот же образ воссоздается через синонимичное сочетание: *сатурновы веки* – «по древнеримским преданиям, золотой век, когда народ жил, в изобилии, счастье и мире» [12, 471]. Образ счастливого, золотого времени характерен для творчества как современников поэта, так и представителей русской поэзии XIX века [7].

Следует отметить, что поэт почти не использует лексические единицы, передающие конкретные цвета, оттенки, слуховые или тактильные ощущения. Колоративная атрибутивная лексика ограничена редкими употреблениями. В примере «*Бой у черного с белым / У сухого есть с влажным*» субстантивированные прилагательные называют не чувственно воспринимаемый объект, а служат для обозначения обобщенного положительного или негативного явления. Отчасти зрительные характеристики связаны с устойчивыми прилагательными-эпитетами со значением света: *солнце ясно, очах ясных, лицом светлым, светлые очи*.

Анализируя образность переводов В. К. Третьяковским псалмов, А. П. Тусичицкий отмечал, что среди эпитетов поэта «встречаются необычайно редкие окказиональные сочетания, сделавшие бы честь поэту-символисту XX века, например: «глупая мудрость», «красный бег солнца» (Пс. 18); «ветвистый рост древ» (Пс. 103)» [13, 66]. Исследуемый в рамках настоящей статьи материал содержит, на наш взгляд, следующие интересные примеры. В стихотворении «Стихи эпиталамические на брак его сиятельства князя Александра Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны» так описываются действия богов любви: «*По обеим сторонам много Купидонов, / Где воздух разбежался от их крыльных звонов, / Всех прохладяя <...>*». Современный читатель в первую очередь обращает внимание на уже утраченное прилагательное, однако существовавшее в русском языке, о чем свидетельствует фиксация в исторических словарях. Значение этого сочетания семантически прозрачно: автор характеризует звон от движения крыльев, которые являются узнаваемым внешним атрибутом мифологического персонажа. Необычность окказионального сочетания подчеркивается нехарактерной для существительного *звон* формой множественного числа, употребление которой, возможно, вызвано поддержкой рифмы *Купидонов – звонов*.

Как индивидуально-авторское образование следует рассмотреть сочетание *ветр гневливый*. Заметим, что автор не выбрал из репертуара фольклорных сочетаний, к которым он регулярно обращался, близкое по значению устойчивое *буйный ветер*. Прилагательное *гневливый* имело значение `Легко приходящий в гнев` [10, V, 140], обозначая психологическое и эмоциональное состояние человека или качества, свойственные человеку (*гневливый голос, гневливый задор* [10, V, 140]). Переносное употребление слова, а также звукопись (повторения звуков *е, в*), способствует более достоверному созданию художественного образа ветра и природного мира как живого действующего и изменяющегося феномена, ср. контекст строфы: «*Весну жжигает лето, / Осень то пременяет; / Плодом древо одето / Зима нам отнимает, / А ветер гневливый / Уносит у нас тихость, / Боится свет ненастья <...>*».

Выводы

Эпитет как средство художественной выразительности активно использовался В. К. Третьяковским. Анализ стихотворений позволяет говорить о том, что почти все главные и второстепенные объекты лирического сюжета сопровождаются образными определениями. Атрибутивная лексика разнообразна, однако следует отметить

отсутствие пласта слов, обозначающих зрительные или слуховые впечатления. На фоне традиционных устойчивых определительных элементов народно-поэтической речи, общеязыковых эпитетов, выступают индивидуально-авторские образования. Структура сочетаний с эпитетами преимущественно простая и заключается в соединении главного и одиночного атрибутивного слова. Не свойственны многокомпонентные конструкции, создающие сложный образ предмета.

В целом, место эпитета среди других художественно-образительных средств и его роль в художественном своеобразии поэтического мира В. К. Тредиаковского еще предстоит определить.

Литература

1. Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Ленинград: Наука, 1981. С. 68–96.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Москва, 1982. 528 с.
3. Запольская Н. Н. К проблеме языковой рефлексии XVIII века // Славянский альманах. 2001. №2000. С. 439–452.
4. Кулева А. С. Усеченные прилагательные в русской поэзии // Русская речь. 2008 №3. С. 35–39.
5. Ляпина Л. Е. В. К. Тредиаковский и традиции пейзажа в русской лирике // В. К. Тредиаковский и русская литература. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 164–177.
6. Морозова Е. А. В. К. Тредиаковский и истоки романтического движения в России XVIII века // В. К. Тредиаковский и русская литература. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 187–193.
7. Неклюдов В. Д. Эпитеты золотой и светлый в поэтических текстах Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 205–208.
8. Николаев С. И. Тредиаковский в исследованиях последних десятилетий // В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. Санкт-Петербург, 2004. С.172–179.
9. Петрова З. М. Эпитеты М. Н. Муравьева // Язык русских писателей XVIII века. Ленинград: Наука., 1981. С. 151–166.
10. Словарь русского языка XVIII века. Ленинград: Наука, 1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/04/sl1512101.htm> (дата обращения: 12.05.2022).
11. Стрижев А. Н. Библиографический указатель работ о жизни и творчестве В. К. Тредиаковского (1762–2004) //

В. К. Тредиakovский и русская литература. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 268–297.

12. Тредиakovский В. К. Избранные произведения. Москва; Ленинград, 1963. 577 с.

13. Гусичишный А. П. Образность в переводах псалмов Симеоном Полоцким и В. К. Тредиakovским // В. К. Тредиakovский и русская литература. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 51–72.

REFERENCES

1. Alekseev A. A. E`picheskiy stil` «Tilemaxidy`» [Epic style of «Tilemakhids»] // Yazy`k russkix pisatelej XVIII veka [The language of Russian writers of the XVIII century] Leningrad: Nauka.,1981. P. 68–96. (In Russ.).

2. Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazy`ka XVII - XIX vekov. [Essays on the history of the Russian literary language of the XVII - XIX centuries.] Moscow, 1982. 528 p. (In Russ.).

3. Zapol`skaya N. N. K probleme yazy`kovoj refleksii XVIII veka [On the problem of Language reflection of the XVIII century] // Slavyanskiy al`manax. [Slavic al'monakh] 2001. №2000. P.439–452. (In Russ.).

4. Kuleva A. S. Usechenny`e prilagatel`ny`e v russkoj poe`zii [Truncated adjectives in Russian poetry] // Russkaya rech`. [Russian speech`.] 2008 №3. P.35–39. (In Russ.).

5. Lyapina L. E. V. K. Trediakovskij i tradicii pejzazha v russkoj lirike [V. K. Trediakovsky and traditions of landscape in Russian lyrics]// V. K. Trediakovskij i russkaya literatura. [V. K. Trediakovsky and Russian Literature] M.: IMLI RAN, 2005. P. 164–177. (In Russ.).

6. Morozova E. A. V. K. Trediakovskij i istoki romanticheskogo dvizheniya v Rossii XVIII veka [V. K. Trediakovsky and the origins of the romantic movement in Russia of the XVIII century] // V. K. Trediakovskij i russkaya literatura. [V. K. Trediakovsky and Russian literature] Moscow: IMLI RAN, 2005. P.187–193. (In Russ.).

7. Neklyudov V. D. E`pitety` zolotoj i svetly`j v poe`ticheskix tekstax F. I. Tyutcheva [The epithets golden and light in the poetic texts of F. I. Tyutchev] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of the Bryansk State University] 2010. №2. P. 205 – 208. (In Russ.).

8. Nikolaev S. I. Trediakovskij v issledovaniyax poslednix desyatiletij [Trediakovsky in the studies of recent decades] // V. K. Trediakovskij: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy` mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 12–13 mapa 2003 г.

[V. K. Trediakovsky: to the 300th anniversary of his birth. Materials of the international conference. Saint-Petersburg, 12–13 марта 2003 г.] Saint-Petersburg, 2004. P.172–179. (In Russ.).

9. Petrova Z. M. E`pitety` M. N. Murav`eva [Epithets of M. N. Muravyov] // *Yazyk russkix pisatelej XVIII veka*. [The language of Russian writers of the XVIII century] Leningrad: Naura, 1981. P. 151 – 166. (In Russ.).

10. Slovar` russkogo yazyka XVIII veka. [Dictionary of the Russian language of the XVIII century.] L.: Nauka, 1984. <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/04/sl512101.htm>(In Russ.).

11. Strizhev A. N. Bibliograficheskij ukazatel` rabot o zhizni i tvorchestve V. K. Trediakovskogo (1762 - 2004) [Bibliographic index of works on the life and work of V. K. Trediakovsky (1762-2004)] // *V. K. Trediakovskij i russkaya literatura*. [V. K. Trediakovsky and Russian literature.] M.: IMLI RAN, 2005. P. 268–297. (In Russ.).

12. Trediakovskij V. K. Izbranny`e proizvedeniya. [Selected works.] Moscow; Leningrad, 1963. 577 p. (In Russ.).

13. Tusichishny`j A. P. Obraznost` v perevodax psalmov Simeonom Poloczkim i V. K. Trediakovskim [Imagery in translations of psalms by Simeon Polotsky and V. K. Trediakovsky] // *V. K. Trediakovskij i russkaya literatura*. [V. K. Trediakovsky and Russian Literature.] M.: IMLI RAN, 2005. P. 51–72. (In Russ.).

EPITHETS IN THE EARLY LYRICS OF V. K. TREDIAKOVSKY

Anfisa V. Rozchkova

PhD in Philology, Associate Professor

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Abstract

The relevance of the issue under consideration is explained by the fact that there are no special works in which the lexico-semantic composition, syntagmatic properties of different epithets in the works of V. K. Trediakovsky are studied. The article analyzes epithets in poems created in 1725–1730 and published in the collection «Poems for different occasions».

The main morphological way of expressing an epithet are adjectives, the number of participles is insignificant. Along with the full forms in the texts, truncated ones are also used, characteristic of the poetic language of the 18-th century. The main place of the epithet in relation to the main word in the phrase is the contact pre- and postposition. The structure of combinations is a combination of a single epithet and a defined word. There are isolated formations that include several

epithets with the main word. Due to the dominance of the adjective as an epithet, these words have become the main object of lexico-semantic and stylistic analysis. Adjectival vocabulary is diverse in its meaning and stylistic affiliation and appears in combination with definable words denoting different objects, phenomena, concepts. Epithets that characterize a person differ in generality and conventionality. Adjectives describing objects of the natural world have the same properties. Noteworthy is the absence in the repertoire of epithet units of words with the meaning of sensory (visual, auditory, tactile) perception. Slavonisms stand out among stylistically colored epithets. The author also regularly uses epithet vocabulary characteristic of the folk poetic language, while there is a repetition of individual words in texts of different subjects. Some combinations with the epithet are individually authored.

The full composition of epithets, their role and place among artistic and visual means in the poetic language of V. K. Trediakovsky has yet to be studied and described.

Keywords: V. K. Trediakovsky, 18 century, epithet, lexical and semantic characteristics, stylistics of a literary text

Для цитирования: Рожкова А. В. Эпитеты в ранней лирике В. К. Третьяковского // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 35–45.

Поступила в редакцию 01.08.2022

РАЗДЕЛ III. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3

УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_46

М. С. Жавнерович¹

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
zhavnerovich2000@mail.ru*

Научный руководитель: С. В. Рудакова²

*МГТУ им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
ORCID 0000-0001-8378-061X
rudakovamasu@mail.ru*

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РОМАНАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА 1990-Х И 2000-Х ГОДОВ

Предметом исследования данной научной статьи является мифологическая коммуникация. Цель работы – рассмотреть феномен мифологической коммуникации в романах В. Пелевина 1990-х и 2000-х годов и проанализировать её в произведениях выделенных этапов с помощью историко-литературного, сравнительного, архетипического методов и метода мифопоэтического анализа. Актуальность исследования определяется тем, что современный человек в настоящее время оказывается вновь под сильнейшим влиянием мифологических образов, мотивов, архетипов, возникает острая необходимость разобраться в вопросе, как именно воздействуют мифы на человеческое мышление – индивидуальное и коллективное. Чтобы понять это, можно рассмотреть, как проявляется мифологическая коммуникация в романах Виктора Пелевина 1990-х и 2000-х годов,

---

¹ Жавнерович Мария Сергеевна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

в которых отражаются многие процессы, переживаемые обществом. В статье рассматриваются понятия мифологической коммуникации и мифологических архетипов. Опирается работа на классификацию базовых архетипов, предложенную Карлом Юнгом, учитывается характеристика этого исследователя каждого архетипа. В фокусе внимания в статье оказывается и задача выявления сходств и различий между функциями мифологической коммуникации в романах 1990-х и 2000-х годов. Материалом данного исследования стали такие романы Виктора Пелевина 1990-х годов, как «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Generation “П”» и художественные произведения данного автора 2000-х годов, среди которых «Числа», «Шлем ужаса», «Empire V». В процессе исследования Результатом исследования является вывод о том, что мифологическая коммуникация значима на каждом периоде творчества писателя, однако на разных этапах она имеет как сходства, так и различия.

Ключевые слова: мифологическая коммуникация, архетип, миф, роман, В. Пелевин, неомиф

Введение

Проблема мифологической коммуникации одна из актуальных в современной науке, в обсуждение вопросов, связанных с этой проблемой, вовлекаются не только филологи, но и психологи, и философы. Обусловлено это в том числе и тем, что мифологическая коммуникация связана с особенностями мышления человека, с его высшей формой познавательной деятельности, позволяющей отражать окружающую действительность, а также устанавливать связи между предметами. А если говорить о человеческом мышлении, то оно было и по-прежнему остается скорее мифологическим, чем рациональным. Проявляется это и в том, что для понимания окружающего мира люди используют чувственно-образный опыт, сформированный под влиянием культурной среды. Поэтому интересно проанализировать, как в современное время воздействуют на человека, общество мифы и лежащие в их основе архетипы – древние первобытные мифологические образы, некие универсальные символы, а также психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного [5]. Базовые архетипы были выделены ещё в середине XIX века психологом Карл Юнг: правитель, герой, мудрец, искатель, ребенок, любовник, славный малый, хранитель. У каждого архетипа, как отмечал этот исследователь, имелись свои характерные проявления: у правителя – высокий статус, у героя – победа, у мудреца – истина, у искателя – поиск себя, у ребенка – развлечение и игра, у любовника – любовь и отношения, у славного малого – принятие обществом и партнерство, а у хранителя – комфорт [3].

Не удивительно, что мифологическая коммуникация (данный тип коммуникации примечателен тем, что мифы здесь выступают инструментом воздействия коммуникатора на реципиента [1]) интересна и для современных писателей. В. Пелевин не является исключением в этом ряду, более того, в своих романах он часто воздействует на читателей именно с помощью мифологических образов, сюжетов, мотивов, архетипов. Поэтому, чтобы лучше понять, каково же влияние мифов на современного человека и его мышление, рассмотрим особенности мифологической коммуникации в художественных произведениях В. Пелевина, основной интерес сосредоточим на его романах 1990-х и 2000-х гг.

Основная часть

Мифологическая коммуникация позволяет В. Пелевину охарактеризовать своих героев в произведениях и 1990-х, и 2000-х годов, что дает возможность читателю (реципиенту) понять, какими качествами их наделяет автор. Так, писатель в своих художественных текстах часто сопоставляет персонажей с животными, с насекомыми, с природными образами, которые в мифологической традиции имеют символическое значение.

Например, в романе «Омон Ра», написанном в 1991-ом году, автор уподобляет главного героя Солнцу. Это можно понять по имени персонажа, которое фонетически отсылает образованных читателей к египетскому богу Солнца (Амон-Ра) [16].

Интересно рассмотреть образ друга Омона Митька. Данный герой соотносится с Луной. Так, во время реинкарнационного обследования выясняется, что в своих прошлых воплощениях персонаж был жителем Вавилона по имени Нинхурсаг. Митек описал свою инициацию, которая происходила при свете Луны. После этого героя убили [11, 96-112]. Митек, будучи тесно связанным с Луной, оказывался единственным, кто был в состоянии почувствовать, подлинный или фиктивный был бы полет в Космос.

Стоит отметить, что в мировых мифологиях Солнце и Луна тесно связаны: Солнце символизирует жизненную силу, сознание, а Луна – интуицию, подсознание [17]. Действительно, в Омоне есть энергия, он искреннее желает полететь на небо и идеализирует Космос. Однако все же в финале романа главный герой понимает, что все происходящее с ним – фикция. Это не случайно, так как Митек является своеобразным двойником Омона, в некотором смысле отражением его подсознания. Именно после убийства Митька, а значит, и после уничтожения подсознания Омона, главного героя отправляют на Луну. Ведь только в этом случае он не сможет раскрыть обман. Однако перед полетом Омону дают много

сновторного [11, 105]. Во сне же пробуждаются подсознание и интуиция героя. Поэтому Омону снится нарисованная Митьком Луна и медведь, который утверждает, что весь мир – «всего лишь чья-то мысль» [11, 134]. Из-за такой сильной связи Омона и Митька, Солнца и Луны главный герой выбирается из лунохода и понимает, что находится в метро.

Роман «Жизнь насекомых», написанный в 1993-м году, представляет собой аллгорию на жизнь людей, которые сопоставляются с насекомыми [10]. Так, в произведении В. Пелевина упоминаются муравьи, они в римской мифологии сопоставляются с Церерой, богиней брака и материнства [6, II, 1077]. В романе муравьиной является Марина. Она жертвует своей молодостью, красотой ради дочери Наташи.

В романе «Числа», написанном в 2003-м году, герои уподобляются животным [13]. Например, центральный персонаж произведения Степа отождествляется с волком, а его соперник Сракандаев – с ослом. В мифологии Древней Греции осел символизирует глупость, праздность, лень [7]. Такими качествами наделяет писатель и Сракандаева. В древнеегипетской мифологии божество Вепуат изображалось в виде волка, который считался символом храбрости и силы [7]. Данными чертами обладает и Степа.

Кроме того, В. Пелевин с помощью мифологической коммуникации создает неомифы.

Например, в романе «Чапаев и Пустота», опубликованном в 1996-м году, автор конструирует неомиф о Чапаеве. В. Пелевин в начале произведения пишет о том, что этот человек в народной памяти обрел мифологические черты [12, 8]. В романе он тонет в Урале. У В. Пелевина это «условная река абсолютной любви» [12, 386]. Поэтому в ней нельзя погибнуть. В данном случае Урал – это переправа, которая ведет к Нирване. Можно сказать, что В. Пелевин в своем романе демифологизирует образ Чапаева, создает не только неомиф, но и «антимиф» о нем.

В романе «Generation “П”», написанном в 1996-м году, писатель создает неомиф о поколении, сформированном в 1990-е годы. Так, главный герой Татарский сравнивает его со спящей собакой, которая, по легенде, может проснуться, после чего в мире наступит хаос [9, 346]. Данное поколение легко поддается манипуляциям рекламных роликов, но не задумывается о духовности. Стоит сказать, что писатель создает антиутопический неомиф о своем поколении. Ведь он показывает отталкивающий и даже пугающий мир, в котором оно живет, что характерно и для жанра антиутопии [2].

В романе «Шлем ужаса», изданном в 2005-м году, В. Пелевин создает неомиф о дискурсе. В произведении говорится, что данное

понятие означает «место, где рождаются слова и понятия, лабиринты и Минотавры, Тесеи и Ариадны» [14, 162]. Кроме того, дискурс здесь сравнивается с клеем, который обеспечивает цикличность жизни и «намертво приклеивает шлем ужаса» [14, 165].

В «Empire V», написанном в 2006-м году, автор создает неомиф о вампирах. Так, мы знаем, что в мифологии вампир, часто появляясь как полумертвец или мертвец, который ведет ночной образ жизни, сосет кровь у людей, являясь в облике летучей мыши, и насыляет на них ужас [4]. В Пелевин в своем романе представляет другой образ вампира. Так, по мифологии произведения, именно вампиры вывели людей как вид. Также данные персонажи существуют на Земле с самых древних времен. Интересно, что в художественном произведении вампиры пьют не кровь, а «красную жидкость». Питаются же они денежным концентратом, который создает ум человека. Именно вампиры здесь контролируют деятельность людей с помощью гламура и дискурса, поэтому Рама изучает их, когда становится вампиром [8].

Также стоит сказать, что во всех рассматриваемых романах писателя мифологические образы и мотивы помогают ему доносить до читателя идеи своих произведений. Так, в «Generation “П”» писатель стремится объяснить сложную для целого поколения россиян политическую и общественную ситуацию, когда на смену старому миру приходит совершенно новый. В произведении «Шлем ужаса» раскрывается мысль о цикличности жизни и о страхе, ограничивающем сознание человека.

2 Различия в мифологической коммуникации в романах 1990-х и 2000-х годов

Стоит отметить, что между романами В. Пелевина 1990-х и 2000-х годов есть не только сходства, но и различия с точки зрения мифологической коммуникации.

Так, писатель делает акцент на разных архетипах в романах 1990-х и 2000-х годов. Так, в произведениях 1990-х годов основным архетипом является «герой», для которого главное – победа. К этому архетипу относится Омон из «Омон Ра». Ведь данный герой с самого детства стремился в Космос, для него важно было одержать победу и добиться своей цели.

Также черты героя можно обнаружить и в Петре Пустоте из романа «Чапаев и Пустота». Так, данный персонаж служит комиссаром в дивизии Чапаева и уезжает с ним на фронт Гражданской войны.

В произведениях же 2000-х годов чаще всего можно встретить архетип любовника, для которого главным стремлением в жизни

являются отношения и любовь. Можно вспомнить центрального персонажа «Чисел» Степу и его отношения с Мюс. Кроме того, в романе «Шлем ужаса» есть любовная линия, связанная с Изольдой и Ромео. С данным архетипом связаны и Рама с Герой из «Empire V», у которых завязываются отношения, когда они становятся вампирами.

В романах В. Пелевина можно заметить тенденцию усиления роли женских образов. Так, в 1990-е годы самыми яркими образами являются мужские (Омон, Пустота, Татарский). В произведениях же 2000-х годов наряду с мужскими появляются и женские образы, с которыми и будут связаны мифологические мотивы. Например, в романе «Числа» можно вспомнить Мюс. Данная героиня соотносится с кошкой. Интересно, что в египетской мифологии есть богиня Баст, которая изображается в виде кошки. Эта богиня является защитницей от злых духов [7]. Мюс в романе тоже защищает от злых сил Степу. В романе «Empire V» Гера становится вампиром.

Кроме того, в романах 1990-х годов мифологическая коммуникация не связана с композицией произведений, в отличие от художественных текстов 2000-х годов. Так, роман «Шлем ужаса» композиционно представляет собой интернет-чат. Герои знакомятся и осознают, что стали участниками мифа о Тесее и Минотавре. Можно сказать, что В. Пелевин связывает древнегреческий мифологический сюжет со структурой диалога в Интернете.

Заключение

Таким образом, В. Пелевин в романах 1990-х и 2000-х годов выступает в роли коммуникатора, который с помощью мифологической коммуникации оказывает влияние на подсознание реципиента (читателя). Можно сделать вывод, что мифологическая коммуникация значима на каждом периоде творчества писателя. Она помогает глубже и ярче раскрыть характеры героев, введенные в текст романов отсылки на определенное животное или насекомое формируют тесную связь героев с мифологическими образами, с которыми связаны веками формировавшееся символические смыслы. Мифологическая коммуникация помогает писателю доносить до широкой читательской аудитории идеи своих произведений, творить неомифы и на их основе создавать произведения.

Литература

1. Высоцкая А. Л. Особенности мифологической коммуникации в ранних формах сознания // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 4. С. 226–230.
2. Гришенкова Т. Ф. Предписанное счастье антиутопий XX века // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 12. С. 41–45.

3. Долганов А. С. Теория архетипов К. Г. Юнга как инструмент мифодизайна в сфере проектирования и управления брендами // Евразийский союз ученых. 2016. № 2–3 (23). С. 17–19.
4. Завьялова А. В. Традиционные представления о вампирах в некоторых культурах // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 10–3 (22). С. 184–186.
5. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1 (48). С. 3. URL: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2018_1_48/nomer07.php (дата обращения: 26.08.2022).
6. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1980–1982. 2 т. 1147 с.
7. Осьмухина О. Ю. Своеобразие интерпретации образов животных в романе В. Пелевина «Числа» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 211–215.
8. Пелевин В. О. Empire «V». Повесть о настоящем сверхчеловеке. Москва: Эксмо, 2020. 416 с.
9. Пелевин В. О. Generation «Г». Москва: Эксмо, 2019. 352 с.
10. Пелевин В. О. Жизнь насекомых. Москва: АСТ, 2017. 180 с.
11. Пелевин В. О. Омон Ра. Москва: Текст, 1992. 130 с.
12. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. Москва: Эксмо, 2019. 416 с.
13. Пелевин В. О. Числа. Москва: Эксмо, 2020. 288 с.
14. Пелевин В. О. Шлем ужаса. Москва: Открытый мир, 2005. 224 с.
15. Рудакова С. В., Зайцева Т. Б., Жавнерович М. С. Образ города Токио в рассказах В. Сорокина «Рев Годзиллы и крик Пикачу» и «Снеговик» (в поисках счастья) // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 5-1. С. 120–129.
16. Рязанова С. В. Мифология Египта как традиционная модель // Вестник Пермского университета. 2007. № 3 (8). С. 94–98.
17. Сефербеков Р. И. Мифологические образы солнца и луны в верованиях народов Дагестана // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2007. № 4 (12). С. 64–103.

REFERENCES

1. Vyssotskaya A. L. Osobnosti mifologicheskoy kommunikacii v rannih formah soznaniya [Specification of mythological communication in primitive forms of mentality] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4. Pp. 226–230. (In Russ.).
2. Grishenkova T. F. Predpisannoe schast'e antiutopij XX veka // Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo. 2012. № 12. Pp. 41–45. (In Russ.).
3. Dolganov A. S. Teorija arhetipov K. G. Junga kak instrument mifodizajna v sfere proektirovaniya i upravleniya brendami // Evrazijskij sojuz uchenyh. 2016. № 2–3 (23). Pp. 17–19. (In Russ.).

4. Zav'jalova A. V. Tradicionnye predstavlenija o vampirah v nekotoryh kul'turah // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2016. № 10–3 (22). Pp. 184–186. (In Russ.).
5. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V. Osnovnye arhetipy v klassicheskikh jungianskikh i sovremennykh predstavlenijah [The basic archetypes in classical jungian and contemporary considerations] [E'lektronny'j resurs] // Medicinskaja psihologija v Rossii. 2018. Vol. 10. № 1 (48). P. 3. URL: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2018_1_48/nomer07.php (accessed 26.08.2022). (In Russ.).
6. Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 vol. / gl. red. S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1980–1982. 2 vol. 1147 p. (In Russ.).
7. Os'muhina O. Ju. Svoebrazie interpretacii obrazov zhivotnyh v romane V. Pelevina «Chisla» [The originality of animal imagery interpretations in V. Pelevin's novel "The numbers"] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2018. № 3. Pp. 211–215. (In Russ.).
8. Pelevin V. O. Empire «V». Povest' o nastojashhem sverhcheloveke. Moscow: Jeksmo [Eksmo], 2020. 416 p. (In Russ.).
9. Pelevin V. O. Generation «P». Moscow: Jeksmo [Eksmo], 2019. 352 p. (In Russ.).
10. Pelevin V. O. Zhizn' nasekomyh. Moscow: AST, 2017. 180 p. (In Russ.).
11. Pelevin V. O. Omon Ra. Moscow: Tekst, 1992. 130 p. (In Russ.).
12. Pelevin V. O. Chapaev i Pustota. Moscow: Jeksmo [Eksmo], 2019. 416 p. (In Russ.).
13. Pelevin V. O. Chisla [The numbers]. Moscow: Jeksmo [Eksmo], 2020. 288 p. (In Russ.).
14. Pelevin V. O. Shlem uzhasa. Moscow: Otkrytyj mir, 2005. 224 p. (In Russ.).
15. Rudakova S. V., Zhavnerovich M. S. The Image of Tokyo in V. Sorokin's stories The Roar of Godzilla and The Scream of Pikachu and The Snowman (in search of happiness) // Culture and Civilization. 2021. Vol. 11. № 5-1. Pp. 120–129. (In Russ.).
16. Ryazanova S. V. Mifologija Egipta kak tradicionnaja model' [The mythology of Ancient Egypt as a traditional believing model] // Vestnik Permskogo universiteta. 2007. № 3 (8). Pp. 94–98. (In Russ.).
17. Seferbekov R. I. Mifologicheskie obrazy solnca i luny v verovanijah narodov Dagestana // Vestnik instituta istorii, arheologii i jetnografii. 2007. № 4 (12). Pp. 64–103. (In Russ.).

MYTHOLOGICAL COMMUNICATION IN VICTOR PELEVIN'S
NOVELS OF THE 1990S AND 2000S

Maria S. Zhavnerovich

Abstract

The subject of the research of this scientific article is mythological communication. The purpose of the work is to analyze and understand the meaning of mythological communication in V. Pelevin's novels of the 1990s and 2000s and compare it in the works of the selected stages using historical-literary, comparative, archetypal methods and the method of mythopoetic analysis. The problem of this work is the significance of mythological communication in Victor Pelevin's novels of the 1990s and 2000s. The relevance of the research is explained by the fact that modern man currently continues to experience the influence of mythological images, motives, archetypes, so there is a need to understand exactly how myths can affect thinking. To better understand this, it is necessary to pay attention to how mythological communication is expressed in Victor Pelevin's novels of the 1990s and 2000s. The article discusses the concepts of mythological communication and mythological archetypes. The classification of basic archetypes according to Carl Jung is given, where each archetype has its own characteristic manifestations. The paper also analyzes the similarities and differences between the functions of mythological communication in the novels of the 1990s and 2000s. The material of this study was the following literary texts: Victor Pelevin's novels of the 1990s "Omon Ra", "Insect Life", "Chapaev and the Void", "Generation "P"" and the artistic texts of this author of the 2000s "Numbers", "Helmet of Horror", "Empire V". The result of the study is the conclusion that mythological communication is significant at each period of the writer's work, but at different stages it has both similarities and differences.

Keywords: mythological communication, archetype, myth, novel, V. Pelevin, neo-myth

Для цитирования: Жавнерович М. С. Мифологическая коммуникация в романах Виктора Пелевина 1990-х и 2000-х годов // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 46–54.

Поступила в редакцию 19.08.2022

РАЗДЕЛ IV. СЕМИОТИКА: МИР КАК ТЕКСТ

ББК 76.01; 83.3(2)

УДК 82-92; 396

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_55

А. В. Петров¹

*МОУ СОШ № 38 им. В. И. Машковцева
455045, г. Магнитогорск, ул. Ворошилова, 11/1
ORCID: 000-0002-3664-4487
alexpetrov72@mail.ru*

Н. В. Ярина²

*МОУ СОШ № 38 им. В. И. Машковцева
455045, г. Магнитогорск, ул. Ворошилова, 11/1
alexpetrov72@mail.ru*

СТАТЬЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ «О ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ» (1902): ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ФЕМИНИЗМА И ТОЛСТОВСТВА

В статье дается анализ публицистической статьи известной даиэристки рубежа XIX–XX вв. Е. А. Дьяконовой «О женском вопросе» (1902 г.). Устаревший ныне термин той эпохи – «женский вопрос» описывал права и положение женщин во всех сферах тогдашней общественной жизни. Самой Дьяконовой, испытавшей родительский гнет, с трудом попавшей на Бестужевские курсы и столкнувшейся с ущемлением своих гражданских прав, этот «вопрос» был пережит и прочувствован лично. Статья, написанная Дьяконовой в Париже, была направлена против писателя, её современника, который являлся для нее кумиром, но взгляды которого на «половой вопрос» она принять не могла. Полемика с Л. Н. Толстым ведется писательницей с нескольких позиций. Во-первых,

---

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования, МОУ «СОШ № 38 им. В. И. Машковцева», г. Магнитогорск, Россия.

² Ярина Наталия Викторовна, преподаватель-исследователь, магистр, директор, МОУ «СОШ № 38 им. В. И. Машковцева», г. Магнитогорск, Россия.

она обнаруживает противоречия в его христианских взглядах, указывая, что тот, кто разделяет евангельское учение о любви и следует идеям Нагорной проповеди, должен прийти к отрицанию подчиненного положения женщины в браке. Во-вторых, Дьяконова упрекает Толстого в «домостроевских», «средневековых» взглядах на женщину, имея в виду известный тезис о подчинении жены мужу. Продолжая свою критику исторического христианства, она, в-третьих, говорит о закреплении женщины мужчиной на новых, «новозаветных» основаниях. Из современных учений лишь социализм, считает Дьяконова, возвращается к первоначальному пониманию евангельской заповеди о любви к ближнему и признает женщину равноправной мужчине. Только социализм освободит женщину и даст отношениям полов новую форму. В целом идейная эволюция Дьяконовой двигалась в направлении «марксистского феминизма».

Ключевые слова: Е. А. Дьяконова, Л. Н. Толстой, «женский вопрос», феминизм, толстовство, гендерные исследования

Один из самых известных женских русских дневников – дневник Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902), после столетнего забвения вернувшийся к читателю в начале 2000-х гг., постепенно начинает осваиваться научным сообществом (см.: [5; 6; 7; 12]). Однако в данной работе мы остановим свое внимание на малоизученной публицистической статье Дьяконовой, полемически направленной против Л. Н. Толстого и его взглядов на «женский вопрос». Таким образом, мы вносим вклад как в толстоведение, так и в изучение истории женского движения в России, в том числе в феноменологию женского сознания и женского «письма».

«Женский вопрос» в доиндустриальной России

Понятие «женский вопрос» имеет широкое содержательное наполнение, но прежде всего оно связано с правами и положением женщин во всех сферах общественной жизни (экономика, право, политика, образование, наука, искусство). В России «женский вопрос» возник, как считает американский историк, исследователь российского женского освободительного движения Ричард Стайтс, непосредственно после окончания Крымской войны, т. е. во второй половине 1850-х гг. [8, 55]. С ним согласна отечественная исследовательница русского феминизма И. И. Юкина: «На повестку дня встал семейный вопрос: проблемы отцов и детей, отношения жен и мужей. По мнению многих современников, семейные отношения с 1860-х годов испытали полную революцию. Патриархальный

семейный уклад рассматривался как пережиток крепостничества и также подлежал уничтожению. Поэтому «женский вопрос», включавший в себя проблемы личной свободы женщины, семьи, быта, образования и труда женщин, был внесен интеллигенцией в программу демократических реформ» [11, 51].

Кроме книг Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930» и И. И. Юкиной «Русский феминизм как вызов современности», в нижеследующем кратком обзоре мы опираемся на работы таких исследователей, как Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева, Э. П. Федосова, А. В. Белова, И. Жеребкина, Н. Воробьева, А. И. Громова, Е. А. Косетченкова и др.

Итак, «женский вопрос» в России начался с вопроса о женском образовании, и лишь позднее «он развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщины» [8, с. 55]. Единичные учебные заведения для женщин (девичьи училища) появились у нас еще в XI в., но затем на многие столетия женское образование оказалось «законсервировано». И только в XVIII в. идея женского учебно-воспитательного заведения пришла в голову Петру I, однако император ограничился одним указом (24 января 1724 г.) о том, чтобы монахини воспитывали «сирот обоего пола и обучали их грамоте». Женское училище, существующее на государственные дотации, будет создано только при Екатерине II. Имеется в виду утвержденный императрицей 5 мая 1764 г. «Устав Воспитательного общества благородных девиц», составленный И. И. Бецким. «Воспитательное общество», расположившееся в Воскресенском Новодевичьем (Смольным) монастыре, стало первым в России государственным закрытым женским учебным заведением (к 1894 г. в России было 30 институтов благородных девиц).

Затем на много десятилетий развитие женского образования в России приостановилось. Вопрос о нём встал на повестку дня, как уже отмечалось, в связи с поражением в Крымской войне и с восшествием на престол императора Александра II. Этапной работой этого периода, привлечшей общественное внимание к женскому образованию, все исследователи считают статью известного хирурга и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856). До выхода этой статьи считалось, что женщину можно наделить лишь таким количеством знаний, которого будет достаточно для того, чтобы она могла поддерживать разговор с мужем и участвовать в воспитании детей [8, 59]. Пирогов выступил

с абстрактным, но для того времени впечатляющим призывом женщин к «самопожертвованию» и «борьбе».

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в Петербурге возникают женские студенческие кружки, которые и можно считать началом женского движения в России [9, 30]. Членом одного из них была Н. В. Стасова, та самая, у гроба которой будет дежурить 29 сентября 1895 г. Дьяконова. Удивительно, наверно, но смерть одной из основоположниц и пионерок русского женского движения не вызвала у даизеристки никакого душевного отклика: «Я стояла и думала: к чему это дежурство? Какой смысл в том, что мы стоим здесь, у гроба?», ведь ей это наше «внешнее» уважение «не нужно» [2, 160]. На следующий день на похоронах, где было много людей и речей, Дьяконова также осталась равнодушной: «Я стояла, смотрела, слушала, но никакого особенного сожаления не испытывала, в особенности когда говорились речи» [2, 162]. Даизеристка отмечает, что «само-то общество» несколько о Стасовой не сожалело. Дьяконову, которая к этому времени начала сомневаться в существовании Бога, неприятно поразил «гражданский характер» похорон, напомнивших ей праздник или «общественное собрание». Мысли её на этих похоронах шли не в направлении общественно-политическом, как можно было бы ожидать, а в философско-бытовом: невольно она стала «цитировать», как нам кажется, оду «На смерть князя Мещерского» Державина, а возможно также, что и знакомые ей с детства проповеди: «Вот можно было бы составить целое рассуждение о внезапности смерти, о том, что человек ещё в понедельник не мог никак предположить, что в пятницу он будет в гробу, и все для него кончено, и навсегда, и куда он уйдет, что ожидает его “там”, но это было бы повторением общих мест. Но несмотря на то, что эти общие места всем и каждому известны, всегда повторяешь и слышишь повторения тех же размышлений» [2, 160].

Зато смерть попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Капустина (случившаяся 11 ноября 1899 г.), человека, благодаря личному участию которого Дьяконова поступила на «бестужевские» курсы, заставила её размышлять именно в феминистском ключе – о своей женской самореализации. Сначала она чувствует благодарность к человеку («невъизразимо-глубокое чувство»), принявшему участие в её судьбе; затем начинает думать о бессмертии души, о посмертном блаженстве, которое мыслится ей как недостижимый на земле «идеал братства и равенства», и от него ее мысль движется к ее собственному «идеалу». И первый шаг на пути к этому – статья «о женском образовании», «о средней женской

школе». Для Дьяконовой очень важно поднять этот вопрос в печати (с этой целью она пойдет в редакцию журнала «Женское дело»), т. к. о реформе женской школы никто почему-то не пишет [2, 295–297].

Между этими двумя смертями – 4 года учебы Дьяконовой на Бестужевских курсах. В 1895 г. она – девочка, которая смутно представляет себе своё будущее и религиозность которой ещё крепка, поэтому смерть патронессы женского движения и самих этих курсов, которую она лично не знала, приводит её к отстранённому, в общем, взгляду на эту смерть и на траурную церемонию. К ноябрю 1899 г. Дьяконова уже закончила курсы, уже получила от министра юстиции отказ на свой запрос о возможности заниматься адвокатурой в России (и ощутила себя при этом «образованной крепостной») и уже приняла решение уехать за границу. Смерть М. Н. Капустина – ещё одно прощание с Россией, любовь к которой Дьяконова готова была возненавидеть после встречи с министром (12 октября 1899 г.). Впереди – грандиозные планы и Париж.

Но вернёмся к 1860-м гг. В своих статьях революционные демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев критиковали сословный характер женского образования, выступали за его бессословность и доступность. В 1863 г. вышел в свет роман Чернышевского «Что делать?», ставший «своего рода Библией для всех передовых русских женщин, стремившихся к независимости» (Р. Стайте). В романе явственно прочитывалась идея социальной революции, при этом радикальность «нигилистических» взглядов автора на личную эмансипацию и сексуальную свободу оказались неприемлемы даже для женщин-радикалок [8, 135]. «Роман выдвинул широкую программу взаимоотношений между полами, – пишет американский историк, – и представил взгляд на эротическую любовь, которая будет господствовать в представлениях нескольких поколений революционеров» [8, 136].

И здесь следует сказать, что Дьяконовой роман Чернышевского был, судя по всему, не известен: никаких указаний на его чтение в дневнике, в котором даиэристка дотошно описывает круг своего чтения, нет. Так, в 1892 г. (запись от 6 сентября) она с удивлением узнаёт из газет, что Софья Ковалевская «заключила фиктивный брак, с целью уехать за границу для учения. Это меня поразило: такая мысль мне бы и в голову не могла прийти. Но зато и я не К-ская... Однако пример заразителен: что, если бы и мне сделать тоже! <...>» [10]. Как видим, идея фиктивного брака, столь важная для сюжета романа Чернышевского, Дьяконовой «и в голову не приходила». Возможно, незнание даиэристкой судьбы Веры Павловны Розальской (героини

«Что делать?») лишило её столь нужного ей образца поведения, «модели идеального жизнеустройства». О последней пишет И. Паперно в книге «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма»: «Так, роман учит, как уладить конфликт с деспотическими родителями, изгнать ревность из супружеских отношений, вылечить девушку, умирающую от любви, и перевоспитать проститутку, и как платить за квартиру при ограниченных средствах» [4, 148]. Немало этот роман мог дать даиэристке и для познания самой себя, например своей чувственности. У Чернышевского, от его героев Дьяконова могла бы узнать, что «настоящая любовь, вопреки распространенному мнению, спокойное и ровное чувство» [4, с. 151]. «Американский» сюжет книги также мог бы открыть ей глаза на решение вопроса о свободе и месте (буквально – географическом) самореализации, к которому (решению) она пришла лишь к концу 1899 года. Наконец, духовная эволюция Дьяконовой, в частности трансформация её традиционной религиозности в близкую к христианскому социализму «веру» в братство и равенство всех людей очень напоминает эволюцию самого Чернышевского [4, 166–173]. Ср.: «И вот я чувствую, – пишет Дьяконова 14 ноября 1899 г., – как мои душевные силы незаметно обращаются на работу для идеи, справедливость – моя религия, вера в прогресс – моя вера» [2, 296].

В результате всех этих перемен в общественном умонастроении в 1860-е гг. власть была вынуждена расширить сеть государственных женских учебных заведений; к 1 января 1865 г. в ведении министерства народного просвещения состояло 120 женских училищ, где училось 9129 человек [9, с. 18]. Фактически всесословность и открытость женского образования были достигнуты, но само оно оставалось доступным в основном только для девочек из состоятельных семей. Кроме того, вознаграждение учителей в женских школах либо было минимальным, либо вообще отсутствовало, а сами училища и школы находились в подавляющем большинстве в столичных и губернских городах.

На 1867–1868 гг. приходится так называемый «второй университетский поход женщин», завершившийся открытием в 1869–1870 гг. в нескольких городах Российской империи публичных лекций для лиц обоего пола. С 1870 г. гимназии стали семилетними, а окончание при них восьмого педагогического класса давало девушкам право на звание домашних учительниц и наставниц [9, 20]. С 1872 года в России стали открываться частные женские гимназии, плата за обучение в которых была достаточно высокой. Наконец, 20 сентября 1878 г. в Петербурге открываются высшие женские курсы

(«Бестужевские курсы»), которые принято называть первым женским университетом в России. Женщины получили доступ к высшему образованию. Однако никаких прав окончание курсов женщинам не давало.

Свои мгытарства, связанные с поступлением на Бестужевские курсы, Дьяконова подробно описывает в дневнике (ей еще не исполнился 21 год, и на поступление требовалось разрешение матери). Но и в конце XIX в. женщинам в России был закрыт путь к высшему профессиональному образованию, а равноправие в разделении труда, в возможности занимать должности на государственной службе отсутствовало. Поэтому в жизни Дьяконовой в 1899 г. возникает «парижский» сюжет. Однако на тот момент (пребывание в Париже) «женский вопрос» в его привычном, общественно-политическом смысле трансформируется в «Дневнике русской женщины» в традиционный «женский вопрос» – связанный с осознанием даиэристой своей женственности и своей любви к лечащему врачу Ланселе. Там, в Париже, за полгода до своей трагической гибели, Дьяконова написала статью «*О женском вопросе*», опубликованную уже после её смерти.

Феминизм и социализм vs. толстовство и патриархат

По сути, статья представляет собой развёрнутую рецензию на сборник статей и ответов Л. Н. Толстого на адресованные ему частные письма, составленный его другом, издателем его произведений, правозащитником В. Г. Чертковым и изданный в 1901 г. под названием «*О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Чертковым*» [3]. Цитаты и тезисы из Толстого Дьяконова дополняет развёрнутыми комментариями феминистской направленности. В силу известных обстоятельств эта статья-рецензия оказалась итоговым, продуманным и развёрнутым её высказыванием о любви, браке, половых отношениях, положении женщины в обществе, социальных идеалах.

В начале рецензии Дьяконова констатирует «странность» этого чертковского издания, ибо, отмечает она, ответы на письма всё-таки не должны становиться «достоянием публики». Затем она формулирует принципиальную и хорошо известную позицию Толстого в данном («половом») вопросе: «<...> брак не есть необходимость и является помехой религиозному служению Богу и людям; но если человек не имеет силы воздержаться – то лучше вступить в брак, чем жить распутно» [10]. Логичным, замечает Дьяконова, является для Толстого отстаивание идеи целомудрия в браке. Теоретически не имея, по-видимому, ничего против самой этой идеи, Дьяконова ополчается против толстовских обвинений

в адрес женщины вообще, которой целомудрие якобы чуждо. Для рецензентки это «ветхозаветный взгляд», «шаг назад». Опираясь на достижения современной ей науки, Дьяконова утверждает, что чувственность свойственна обоим полам, а в какой мере, говорит она, – науке неизвестно.

Обнаруживает Дьяконова и знакомство с исследованиями по антропологии, этнографии (жизнь крестьян), социологии (тема проституции), медицине (женские болезни), праву (супружеские измены). Так, она отмечает, что девушки из средних и высших слоев общества до сих пор ничего не знают о «началах человеческой природы» и потеря девственности в браке зачастую становится для них сильнейшим нервным потрясением. Дьяконова абсолютно совпадает с Толстым в резко негативном отношении к невоздержанности мужей в тот период, когда их жёны беременны и/или кормят грудью. «<...> мороз по коже пробегает при мысли, – патетически восклицает она, – чего только не вынесит женщина!» [10]. Самой Дьяконовой опыт беременности и материнства был неизвестен. В целом же она солидарна с Толстым в том, что единственным решением семейных драм, возникающих на этой почве, следует считать «мужское воздержание».

Заметим, что Дьяконову-рецензентку чрезвычайно интересуют вопросы физиологии женского организма. Современные исследователи гендера в культуре неоднократно отмечали, что это – одна из особенностей *женского письма*: интерес к телесности, психосоматике, болезням и т. д. Так, Элен Сиксу (Hélène Cixous) в давней работе «Смех Медузы» («The Laugh of the Medusa», 1975) указывает: «Woman must put herself into the text – as into the world and into history – by her own movement» («Женщина должна погрузиться в текст – а заодно в мир и историю – своим собственным движением») [13, р. 875]. Она (женщина) как бы «выводит» своим телом на письме то, что говорит, – в сущности, пишет «самой собой». В дневнике Дьяконовой это заметно, например, в повышенной эмоциональности её письма, в резких оценках окружающих, в описаниях истерик и слёз, в особом дискурсе «телесности». В ослабленном виде этот последний обнаруживается и в статье 1902 года.

Дьяконова разделяет также мысль Толстого о таком «общественном предрассудке», как разделение труда на «мужской» и «женский». Здесь, собственно, начинается концептуальная часть её статьи. На первый взгляд кажется, что писательница отнюдь не ратует за равноправие мужчин и женщин, однако на самом деле её рассуждения направлены против социальной и экономической

несправедливости по отношению к женщине. Дьяконова говорит, что это разделение фактически действует лишь в отношении мужчин, современная женщина же не только работает на фабрике, но и исполняет всю домашнюю работу. И такое положение женщины сохраняется среди интеллигенции, крестьян и рабочих. Особенно отмечает Дьяконова то, что если положение русского крестьянина стало лучше, то доля крестьянки по-прежнему ничем не отличается от той, что описал Н. А. Некрасов в поэме «Мороз, красный нос». Пока муж отдыхает в кабаке или в клубе, его жена продолжает работать. Вместе с Толстым Дьяконова называет это «страшным злом» в жизни русской женщины.

И здесь пути двух современников расходятся. Оставшиеся две трети статьи Дьяконова подвергает взгляды Толстого на «половой вопрос» резкой критике. И это позволяет увидеть её собственное лицо – убежденной феминистки, борющейся за права женщин.

Первый её удар в адрес Толстого сделан с позиций христианской этики и направлен на поиск противоречий в толстовском мировоззрении (их, как известно, было немало). Предположив, что великий писатель, разделяя евангельское учение о любви к Богу и о любви к ближнему, должен прийти к отрицанию подчиненного положения женщины в браке как противоречащего Нагорной проповеди, Дьяконова обнаруживает у Толстого совершенно «средневековые» представления о женщине. Она обвиняет его в неисторичности мышления: «Как он не понимает того, что если женщина в среднем умственном уровне ниже мужчины, то это уж никак не вследствие природной неспособности, а вследствие того, что её образование и развитие, как физическое, так и духовное, веками пренебрегалось?» [10]. Для всякого посредственного мужчины открыты все двери, негодует Дьяконова, а любая талантливая женщина вынуждена бороться со множеством препятствий, причём именно потому, что она – женщина. В пример она приводит математика Софью Ковалевскую, жену художника И. И. Шишкина, двух французских писательниц – Клеманс Ройе и Жорж Санд, муж которой всё никак не мог понять, что женат на гениальной женщине. С жёсткой иронией Дьяконова отмечает, что обожание своего достоинства «глубоко вошло в плоть и кровь мужчин всех времён и народов» [10].

Второй удар по Толстому, а собственно, по всему патриархальному дискурсу эпохи, нанесён с опорой на научное знание и усилен мощной риторикой, силой веры в женскую самость. Давно доказано, говорит Дьяконова, что свободная и образованная женщина обладает такой же силой разума, как и мужчина. Однако Толстой

утверждает, продолжает она, что жена должна подчиняться мужу. «Что это? Толстой или же Домострой?» – вопрошает писательница и уличает «оппонента» в софизме [10].

Любопытны, далее, переход Дьяконовой «на личности» – чисто журналистский полемический ход и её аргумент «от литературы», в котором тенденциозно подобранные мужские персонажи русских классиков противопоставлены отнюдь не произвольно выбранным персонажам женским: «Лев Николаевич! Да неужели Нехлюдовы, Онегины, Печорины, Обломовы могут руководить пушкинскими Татьянами, тургеневскими Еленами, Лизами, Марианнами?» [10].

Третий удар по Толстому является, в сущности, нелицеприятной критикой исторического христианства (Дьяконова была знакома с работой немецкого философа-материалиста и критика христианства Л. Фейербаха «Сущность религии»). Писательница отталкивается от фразы Толстого «Женщины были освобождены христианством» и сначала соглашается с ним, указывая, что в Евангелии действительно ничего не сказано о подчинении жены мужу в браке и что женщина могла бы считать себя освобожденной христианством, если бы это последнее сохранилось в чистом своём виде. Однако уже апостол Павел «закрепостил» женщину на новых, новозаветных, основаниях, указав, что жёны должны повиноваться своим мужьям «яко же Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава церкви» (Посл. к Ефес., 5:22-23). Таким образом, говорит Дьяконова, новая религия «удерживала старый строй семьи, основанный на порабощении женщины» [10]. Писательница обнаруживает здесь близкое знакомство со знаменитой книгой немецкого социал-демократа и крупнейшего лидера международного рабочего движения А. Бебеля «Женщина и социализм» (1879). Фактически эта часть статьи является конспективным изложением идей А. Бебеля о женском вопросе и его понимания социализма [см.: 1]. Не случайно Дьяконова прямо говорит, что эта книга «должна сделаться своего рода евангелием для всякой мыслящей женщины», и противопоставляет её рецензируемому сборнику Толстого: «В ней – идея любви к ближнему проведена гораздо последовательнее, нежели у Толстого. <...> Книга проникнута благородством, и каждая мысль в ней драгоценна». Этим сравнением Дьяконова явно хочет сказать, что в размышлениях Толстого благородства нет, как нет и осознания «векового зла, вековой несправедливости порабощения одного пола другим» [10]. Так же неявно она противопоставляет Толстому и другого западного автора – Э. Золя как создателя романа «Труд» (1901).

Снова и снова Дьяконова подчёркивает, что христианство закрепощало женщину на религиозной основе в дополнение к уже существовавшему юридическому бесправью; что цивилизация почти не признавала её за человека; что мужчина пользовался женщиной «как хотел и когда хотел, для своих целей» [10]. И вот преемником христианских истин, забытых «церковным христианством», выступил в настоящее время социализм. Единственный из современных учений он правильно разрешает женский вопрос: признаёт женщину равноправной мужчине, проституцию – злом, совместное воспитание обоих полов – необходимостью. Брак Дьяконова считает возможным только на основе взаимной свободы, любви и согласия, склоняясь, по-видимому, к идее гражданского брака, называя это «раскрепощением женщины в браке». Только в этом случае, говорит она, исчезнет борьба мужа и жены за власть в семье.

«Расправа» с Толстым завершается тем, что Дьяконова, путём подобных приведённым выше сравнений и умолчаний, обвиняет его в фарисействе и лицемерии. Истина *люби ближнего как самого себя* жива, говорит она, однако выражают её те, кто отрицает всякую религию (имеются в виду Бебель и в целом социалисты). Толстой умалчивает, утверждает Дьяконова, о том, что, кроме крестьян, угнетены в русском обществе и женщины, особенно те, кто находится в браке.

Любовь есть свобода – такова итоговая мысль Дьяконовой, повторяющая, в сущности, христианский догмат. Кто даст «отношениям полов» новую форму? – спрашивает Дьяконова. – За каким учением пойдёт женщина, веками унижаемая и угнетаемая? Только за таким, которое даст ей «освобождение и человеческую жизнь», и это – социализм. Именно в борьбе за него женщина – самое угнетенное существо в современном обществе – найдёт себя. «И да наступит скорее то время, когда все они <угнетенные. – А. П., Н. Я.> соберутся под его знамя, – и рухнет весь этот старый, отживший строй общества...» [10] – так заканчивает Дьяконова своё «евангелие от социализма и феминизма».

Примечательно, что в этом своём выводе Дьяконова близка к другой «бестужевке» (правда, недоучившейся) – Н. К. Крупской. В брошюре «Женщина-работница», написанной в те же годы (1899), та напрямую связывала изменение положения женщины с изменением социального строя [11, 279]. Дьяконовой, однако, ближе не идеология женского рабочего движения, адептом которого была Крупская, а так называемый *марксистский феминизм* (см.: [8, 323–380]). Судя по всему, идейно она эволюционировала именно к этому движению.

В представлениях Дьяконовой о социальном и нравственном идеале смешиваются, как и у многих её современников, христианские и социалистические идеи, но если как минимум вопросы веры были ею прочувствованы, впитаны с детских лет, то ее взгляды на отношения полов имели по преимуществу книжный характер (см.: [5; 7; 12, 66–118]).

Литература

1. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 592 с.
2. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. Москва: Захаров, 2004. 480 с.
3. О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого. Собрал В. Г. Чертков. Москва: Тип. торгового дома А. Печковский, П. Буланже и К°, 1906. 80 с.
4. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
5. Петров А. В., Ярина Н. В. «Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даэристки (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой) // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 3 (11). С. 78–83.
6. Петров А. В., Ярина Н. В. «Почему она была голой», или жанровые стратегии эрзац-литературы // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 157–160.
7. Петров А. В., Ярина Н. В. «У меня теперь точно глаза открылись...», или «Остраннение» опыта чужой любви (Е. Дьяконова resp. В. Шкловский resp. В. Бутусов) // Libri Magistri. 2018. № 6. С. 109–120.
8. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 616 с.
9. Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). Москва: Педагогика, 1980. 144 с.
10. Фотография женщины: Мария Башкирцева. Дневник. Елизавета Дьяконова. Дневник [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург: Кирцидели, 2005. 618 с. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 01.10.2022).
11. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 544 с.
12. Ярина Н. В. «Дневник» Елизаветы Дьяконовой: жанровое своеобразие: дис. на соискание квалификации «Исследователь, Преподаватель-исследователь»: Рукопись. Магнитогорск, 2018. 151 с.

13. Cixous Hélène. The Laugh of the Medusa // Signs. 1976. Vol. 1. No. 4 (Summer). Pp. 875–893.

REFERENCES

1. Bebel' A. Zhenshchina i socialism [Woman and Socialism]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1959. 592 p. (In Russ.).

2. Dyakonova E. Dnevnik russkoj zhenshchiny [Diary of a Russian woman]. Moscow: Zaharov, 2004. 480 p. (In Russ.).

3. O polovom voprose. Mysli L. N. Tolstogo [About the sexual issue. Thoughts of L. N. Tolstoy]. Sobral V. G. Chertkov. Moscow: Tip. torgovogo doma A. Pechkovskij, P. Bulanzhe i K°, 1906. 80 p. (In Russ.).

4. Paperno I. Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevsky – chelovek epohi realizma [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 208 p. (In Russ.).

5. Petrov A. V., Yarina N. V. «Bozhe, ya ispugalas' i zakrichala... prosnulas'...»: «literaturnye» sny daieristki (E. A. Dyakonova i L. N. Tolstoi) [«God, I got scared and screamed... awaked...»: «literary» dreams of a woman diarist (E. A. Diakonova and L. N. Tolstoy)] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya [Herald of Humanitarian Education]. 2018. № 3 (11). P. 78–83. (In Russ.).

6. Petrov A. V., Yarina N. V. «Pochemu ona byla goloj», ili zhanrovye strategii erzac-literatury [«Why She Was Naked», or the Genre Strategies of Ersatz-Literature] // Filologicheskij klass [Philological Class]. 2018. № 4 (54). Pp. 157–160. (In Russ.).

7. Petrov A. V., Yarina N. V. «U menya teper' tochno glaza otkrylis'...», ili «Ostrannenie» opyta chuzhoj lyubvi (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov) [«At me now precisely eyes opened...», or Distancing of experience of others love (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov)] // Libri Magistri. 2018. Vyp. VI. Pp. 109–120. (In Russ.).

8. Stites R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860–1930 [The women's liberation movement in Russia]. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. 616 p. (In Russ.).

9. Fedosova E. P. Bestuzhevskie kursy – pervyj zhenskij universitet v Rossii (1878–1918 gg.) [Bestuzhev Courses – the first women's university in Russia (1878–1918)]. Moscow: Pedagogika, 1980. 144 p. (In Russ.).

10. Fotografiya zhenshchiny [Photo of a woman]: Mariya Bashkirtseva. Dnevnik. Elizaveta D'yakonova. Dnevnik [Elektronnyj resurs]. Saint-Petersburg: Kirtsideli, 2005. 618 p. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (accessed 01.10.2022). (In Russ.).

11. Yukina I. I. Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian Feminism as a challenge to modernity]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2007. 544 p. (In Russ.).

12. Yarina N. V. «Dnevnik» Elizavety Dyakonovoy: zhanrovoe svoeobrazie [Elizaveta Diakonova's «Diary»: genre originality]: dis. na soiskanie kvalifikatsii «Issledovatel', Prepodavatel'-issledovatel'»: Rukopis'. Magnitogorsk, 2018. 151 p. (In Russ.).

13. Cixous Hélène. The Laugh of the Medusa // Signs. 1976. Vol. 1. No. 4 (Summer). Pp. 875–893. (In Eng.).

ELIZAVETA DYAKONOVA'S ARTICLE

«ON THE WOMEN'S QUESTION» (1902):

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN FEMINISM AND TOLSTOYISM

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, teacher of additional education,
secondary educational school № 38 (Magnitogorsk, Russia)

Natalya V. Yarina

Teacher-researcher, Magister, director, secondary educational school № 38
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the journalistic article «On the women's question» (1902) of E. A. Dyakonova – the famous diarist of the turn of the 19–20 centuries. The now obsolete term of that era – «women's question» described the rights and status of women in all spheres of public life at that time. Dyakonova herself, who experienced parental oppression, hardly got into Bestuzhev courses and faced infringement of her civil rights, this «question» was experienced and felt personally. The article written by Dyakonova in Paris was directed against the writer, her contemporary, who was an idol for her, but whose views on the «sexual question» she could not accept. Her polemic with L. N. Tolstoy is conducted from several positions. First, she discovers contradictions in his Christian views, pointing out that anyone who shares the gospel teaching about love and follows the ideas of the Sermon on the Mount must come to the denial of the subordinate position of a woman in marriage. Secondly, Dyakonova reproaches Tolstoy with «medieval» views on a woman, referring to the well-known thesis about the subordination of a wife to her husband. Continuing her criticism of historical Christianity, she, thirdly, speaks about the enslavement of women by men on new, «New Testament» grounds. Of the modern teachings, only socialism, Dyakonova believes, returns to the original understanding of the gospel commandment about love for one's neighbor and recognizes a woman as equal to a man. Only

socialism will liberate women and give the relations of the sexes a new form. In general, the ideological evolution of Dyakonova moved in the direction of «Marxist feminism».

Keywords: E. A. Dyakonova, L. N. Tolstoy, «Women's question», feminism, Tolstoyism, gender studies

Для цитирования: Петров А. В., Ярина Н. В. Статья Елизаветы Дьяконовой «О женском вопросе» (1902): из истории русского феминизма и Толстовства // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 55–69.

Поступила в редакцию 16.08.2022

РАЗДЕЛ V. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 83.3; 85.372(2)

УДК 82-34; 7.094

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_70

Я. А. Рядинская¹

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
yan7698@yandex.ru*

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА «ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ» А. ПОГОРЕЛЬСКОГО И ЕЕ ЭКРАНИЗАЦИЯ 1980 ГОДА (ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ)

Одним из действенных способов вовлечения современных школьников в процесс чтения является просмотр ими экранизации литературного произведения и дальнейшее обсуждение ее на уроке интермедиального типа. Содержание такого урока может составить, в частности, сравнительный анализ литературного текста (повесть-сказка А. Погорельского «Черная курица...») и кинотекста (экранизация режиссера В. Гресья). Как известно, произведение Погорельского имеет дидактическую направленность, но сама воспитательная задача решается посредством построения увлекательного романтического фантастического сюжета о путешествии мальчика в «иной» мир. Режиссер В. Гресья в своем кинопереложении повести акцентирует внимание на истории нравственного падения и воскресения мальчика Алеши, исследует «чистоту и гармонию детства», а также воссоздает историческую эпоху – Петербург конца XVIII века. В. Гресья находит кинематографические средства для изображения романтического двоемрия; визуализирует образы и события, лишь упоминаемые или подразумеваемые Погорельским. Сопоставляя произведения, относящиеся к разным видам искусства, следует учитывать специфику «языка» литературы и кино, фиксируя на уроке как сходства между

---

¹ Рядинская Яна Александровна, магистрант, учитель русского языка и литературы, МАОУ «Образовательный центр – гимназия № 6 «Горностай», г. Новосибирск, Россия.

двумя текстами, так и различия между ними. Для этого учитель должен отобрать и использовать два ряда наиболее репрезентативных терминов, литературоведческих и кинематографических. Среди них: 1) сюжет, образная система, персонаж, психологизм, историзм, интерьер, деталь и др.; 2) план, ракурс, кадр, монтаж, свет, цвет, звук и др. В ходе интермедиального урока следует использовать такие формы и приемы, как таблица, схематизация, сознательное применение изучаемых терминов. В итоге учащиеся должны прийти к идее «дополнительности» двух текстов.

Ключевые слова: А. Погорельский, В. Гресь, экранизация, интермедиальность, методика преподавания литературы в школе

Сказочная повесть Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829) – одно из немногих произведений ранней русской детской литературы, которое, приближаясь к своему 200-летию, остается в круге реального детского чтения и книгоиздания, а также в школьной программе (изучается в 5 классе [6, 120–150]). В учебно-педагогической теории и практике с середины XX в. сложились представления об образной системе и идейном содержании повести Погорельского. Отражены они в учебниках по истории русской детской литературы и мало изменились с тех пор. Опираясь на ряд советских и современных российских учебников (см.: [2, 149–151; 3, 196–202; 4, 91–93]), эти представления и трактовки можно свести к следующим пунктам:

1) Погорельский, видимо, первым среди русских писателей описывает психологию ребенка и ориентируется на психологию детского восприятия; разрабатывает язык русской прозы для детей.

2) В повести-сказке органично сопряжены фантастика, вымысел и описание реальной жизни в Петербурге конца XVIII века, т. е. романтическое и реалистическое стиливые начала.

3) Воспитательно-педагогические идеи проведены автором без излишней назидательности, в увлекательной художественной форме.

В литературоведении интерес к произведению Погорельского становится заметен с 2000-х годов. Такие исследователи, как Г. Р. Кирменева, Е. Ю. Козьмина, Н. И. Коновалова, М. С. Костюхина, Д. А. Кузнецова, Н. Н. Подосокорский, Т. В. Пустошкина, С. В. Сапожков, О. И. Тиманова, М. А. Турьян, Б. Хеллман, И. Е. Шишкина и др., описали как общие смыслы повести, связанные с дидактикой, психологией и взрослением героя-ребенка, так и частные вопросы, отсылающие к сказочным и мифопоэтическим

образам и сюжетам. При этом экранизация сказочной повести А. Погорельского, имеющаяся в нашем кинематографе, и направления ее изучения, в том числе в школьной практике, остаются почти не востребованными у ученых.

Фильм «Черная курица» был снят в 1980 г. режиссером Виктором Степановичем Гресем (род. в 1939 г.) на киностудии имени Довженко. В следующем году его экранизация была удостоена целого ряда призов: первого приза на Всесоюзном кинофестивале в Вильнюсе; Золотого приза в конкурсе детских фильмов на Московском кинофестивале; Специального приза на Международном кинофестивале детских фильмов в Джифони; Специального приза на Международном кинофестивале детских фильмов в Минске; в 1983 г. – Специального приза на Международном кинофестивале детских фильмов в Пуатье.

В журнале «Советский экран» (1981, № 11) на фильм вышла рецензия В. Кичина «Давным-давно, сегодня и всегда...» [5]. Критик отмечает своеобразие и обаяние таланта В. С. Греся; они – в том, как уверенно он выстраивает на экране «облик воссоздаваемого фильмом мира», как «вещно» съемочная группа передает «слой времени» – через интерьер, свет, натюрморт; помогает зрителю «пробиться сквозь толщу лет», вводит в эпоху этими «оживающими вещами» – каминами, креслами, резными дубовыми столами с медными подсвечниками и фамильными портретами. «Авторы делают сказку реальную, не волшебную <...> сказочное уравнивают со старинным»; они воссоздают Петербург в «первоначальном его виде». По мнению критика, «волшебство» в фильме – «откровенная условность», главное же – «события нравственные», т. е. история об Алёше. В фильме сохранена главная идея Погорельского: «лишь труд и скромность оберегают человека от гордыни, делают его добрым и любимым людьми». Однако создатели фильма попытались заглянуть вглубь фабулы, и у них получился «рассказ о том, без чего не живет детская душа, без чего она вянет и мучается. Рассказ о любви». Пафос фильма, как он видится В. Кичину, состоит в изображении «чистоты и гармонии детства», которые «страшно потерять», которые «надо хранить в себе как можно дольше». «Живо ли детство в детях? Живо ли детство в нас?..» – такими вопросами завершает критик свою рецензию.

Небольшую, но ёмкую научную статью посвятила вопросам экранизации «Черной курицы...» О. Н. Челюканова. Она считает, что фильм В. С. Греся вписывается в общую тенденцию советского искусства 1960–1980-х гг. – синтетического воздействия на юного читателя-зрителя «переложения литературного произведения на язык

кино, иллюстрации, мультипликации» [9, с. 116]. «Черную курицу» исследовательница и относит к такому виду экранизации, как «переложение». Общую суть кинопереложения исследователи описывают как поиск в «киноречи» стиливых аналогов словесно-художественной речи, т. е. стилю писателя и его произведения.

Фильм унаследовал от литературного первоисточника «жанровую многослойность», считает О. Н. Челюканова, однако доминантным в нём является не жанр волшебной повести, как у Погорельского, а жанр святочного рассказа со своей поэтикой и философией. Основой последней является изображение «процесса духовно-нравственного становления героя через искушение, падение и преображение» [9, с. 116]. Поддавшись искушению, Алёша оказывается поражен гордыней и тщеславием.

Для визуального изображения романтического двоемирия режиссер использует чередование эпизодов, изображающих мир реальный и мир фантастический. На уровне образной системы двоемирие реализует себя в мотиве оборотничества: «учителя в пансионе оборачиваются придворными в подземном мире» [9, с. 117]. Мифологическая параллель этому – ряжение на Святки, во время которых происходит действие и повести, и фильма.

Оригинальным режиссерским приёмом становится визуализация фантазий мальчика либо образов подразумеваемых, но в тексте Погорельского не проявленных. Так, в фильме, в отличие от повести, материализуется фигура «искусителя» – это учитель французского языка, он же – Король подземного мира. Именно он навязывает (в фильме) Алёше волшебное зернышко, которое исполняет желания. Визуализированы и романтический образ рыцаря-заступника Ланселота – «воплощения добродетелей и справедливости», а также его волшебного-мифологического пространства – вечное лето за воротами пансиона [9, с. 117].

В. С. Гресь домыслил и визуализировал также те события, которые в повести Погорельского остались не рассказанными, но подразумеваемыми: это образы Алёшиной семьи, его родителей (они провожают его в пансион, обмениваются репликами и т. д.). Отец Алёши – рационалист, он руководствуется в жизни категориями разума, долга и пользы; мать же его живет сердцем, чувствами. Так в фильме намечается будущий внутренний конфликт мальчика – разума и сердца, рационального и эмоционального. Образом, символизирующим этот конфликт в душе Алёши, становится пурга во время его отъезда из дома. Другой символический образ в фильме –

образ птицы в клетке, обозначающий одиночество, несвободу, жизнь ребенка в чуждом ему мире, вне семьи [9, с. 118].

Мы, со своей стороны, считаем, что экранизация литературного произведения, сопоставительный анализ текста и визуально-семантического ряда кинофильма или мультфильма, является одним из наиболее действенных способов вернуть современных школьников к чтению и заинтересовать их произведениями как школьной программы по литературе, так и в целом художественной литературой. С точки же зрения межпредметных связей на уроках литературы важнейшей для нас является мысль о том, что 1) кино и литература – разные и равноценные виды искусства и 2) будучи таковыми, они обладают своим собственным «языком», своими специфическими средствами изобразительности и выразительности. Об этом пишет, в частности, Ю. М. Лотман, говоря о «переводе одной художественной системы на язык другой» [7, с. 28]. Об одном и том же, например, об истории мальчика Алёши, жившего и учившегося в петербургском пансионе в конце XVIII века, писатель (А. Погорельский) и режиссер (В. Гресь) расскажут по-разному. «Перевод с одного художественного языка на другой, – отмечает В. И. Мильдон, – оправдан только в тех случаях, когда средствами одного языка мы находим (или понимаем) то, чего не видим, не понимаем средствами другого. Иначе работа по переводу обесмысливается» [8, с. 12]. Важно, следовательно, научить учеников видеть разницу между первоисточником и экранизацией, находить и интерпретировать отступления – только в таком случае может состояться интермедиаальный урок.

Сходства и различия методически целесообразно рассматривать на двух уровнях. Первый предполагает сравнение повести-сказки Погорельского и одноименного фильма 1980 г. с опорой на литературоведческие понятия и термины. Наиболее репрезентативными здесь представляются нам: *сюжет, образная система, герой (персонаж) и его характеристика, психологизм, историзм, интерьер, деталь.*

Второй аспект сравнения будет касаться, пока еще на начальном уровне, специфики «языка» двух искусств – литературы и кино. В 5-м классе, где изучается сказка-повесть А. Погорельского, разумеется, не нужно глубоко изучать киноведческие термины, такие как *план, ракурс, кадр, монтаж, свет, цвет, звук и др.* Базовым источником может послужить, например, книга Н. А. Агафоновой «Общая теория кино и основы анализа фильма» (Минск, 2008) [1]. Сам учитель, однако, вполне может их употреблять, постепенно знакомя с ними детей, при этом оперировать нужно, на наш взгляд, наиболее

простыми, общеупотребительными, интуитивно понятными (движение (камеры), свет, цвет, звук, мимика, жест и др.).

В итоге учитель должен подвести учеников к мысли о том, что произведение каждого вида искусства – сказка-повесть и её экранизация – обладает своими специфическими средствами изобразительности и выразительности и что эти последние определяют как сильные стороны соответствующего «текста», так и его слабые места. Чтение книги и просмотр фильма не конкурируют друг с другом, а взаимодополняют друг друга, компенсируя ограниченные в чём-то возможности эстетического воздействия литературы, с одной стороны, кино – с другой.

Теперь детализируем ход предполагаемого интермедиального урока.

Кинофильм учащиеся смотрят дома; домашним заданием будет фиксация ими в тетради своих эстетических впечатлений путем ответа на вопрос «Какие эмоции у вас возникали во время просмотра?». В качестве подсказки можно предложить несколько вариантов: «было: интересно... страшно... скучно... грустно...» и т. д.

В начале урока целесообразно познакомить учеников с базовыми терминами: *кинофильм, экранизация, мимика, жест* – и сориентировать их на указанные выше принципы и уровни сравнения двух произведений, т. е. интермедиального анализа.

Начать можно с таблицы, в которой учащиеся будут фиксировать те элементы фабулы и те сцены, которые есть в обоих произведениях и которые встречаются только в одном из них. В фильме, однако, присутствуют основные фабульные ситуации повести Погорельского, однако они выстраиваются в другом композиционном порядке, диктуемом, как представляется, родо-жанровой спецификой кино, монтажной логикой. Этот аспект анализа школьникам среднего звена недоступен, и вводить его следует, на наш взгляд, только в старших классах.

Центральным звеном урока может стать, например, сравнение соответствующих сцен из повести и из фильма-экранизации (одна-две сцены). Можно взять, скажем, сцену спасения Чернушки; на письменное задание отвести 15 минут. Детям включается фрагмент кинофильма; рядом с ними лежит текст повести Погорельского; тетрадный лист или разворот можно оформить в виде таблицы или схемы (на усмотрение учащегося). Преследуемые здесь дидактические задачи таковы: развитие навыков сравнения как приема научного познания; умения схематизировать материал; умения применять новые и изученные уже термины в ходе анализа.

Условия сравнительного анализа:

1) самостоятельно придумать рубрики, по которым будут сравниваться два эпизода (например, «поведение персонажа», «совпадения в двух «текстах» и др.);

2) использование изученных киноведческих и литературоведческих терминов: звук, движение (камеры), описание внешности героя (портрет) и др.

Основная исследовательская установка может быть сформулирована так: как словесный текст и кинотекст дополняют друг друга в процессе их восприятия? Письменный ответ на этот вопрос может стать итогом всего урока.

В качестве домашнего задания можно предложить посмотреть кукольный мультипликационный фильм «Черная курица» (1975 г., реж. Ю. Трофимов) и написать на него рецензию по следующему плану:

1. Описание произведения: название, режиссер-постановщик, в каком году был снят фильм.

2. Сюжет произведения (краткий пересказ); самые яркие, запомнившиеся эпизоды (почему именно они?).

3. Степень соответствия сюжета фильма сюжету повести.

4. Какая проблематика повести Погорельского выдвинута на первый план в анимации?

5. Личное эстетическое восприятие «материала» анимации – кукол.

6. Совпали ли ваши ожидания от увиденного на экране с прочитанным произведением?

Другой вариант домашнего задания – сделать проект, а именно создать трейлер по фильму В. Гресья. Целесообразно делать это в небольших группах. Количество участников группы определяется в соотношении со следующими задачами:

1) Отбор кадров для трейлера в соответствии с его сценарием и идеей.

2) Написание сценария – сопроводительного текста.

3) Подбор музыкального сопровождения.

4) Монтаж ролика. Ролик должен быть не меньше сорока секунд и не больше полутора минут.

5) Выложить ролик в сети ВКонтакте или на портале школы. Ссылку прикрепить к текстовому файлу со сценарием.

Таким образом, чтение программного произведения по литературе, дополненное просмотром его экранизации и завершающееся уроком интермедиального анализа, является

продуктивной и современной методической формой освоения «текстов» разных видов искусства, с одной стороны, и эффективным способом пробуждения у детей интереса к чтению – с другой. Уроки такого типа открывают перед учителем много перспектив. В данной статье акцент был сделан на идее художественной самодостаточности произведений литературы и кино, а также на «принципе дополнительности», который позволяет рассматривать книгу как бы сквозь призму фильма и наоборот. Одним из методических приемов такого рассмотрения является сравнительный сюжетно-композиционный анализ произведений.

Литература

1. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.
2. Арзамасцева И. Н. Детская литература. Москва: Academia, 2005. 574 с.
3. Бабушкина А. П. История русской детской литературы. Москва: Учпедгиз, 1948. 480 с.
4. Детская литература / В. П. Аникин, В. В. Агеносов, Э. 3. Ганкина и др.; под ред. Е. Е. Зубаревой. Москва: Просвещение, 1989. 399 с.
5. Кичин В. Давным-давно, сегодня и всегда... // Советский экран. 1981. № 11. С. 4.
6. Коровина В. Я. Литература. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1. Москва: Просвещение, 2012. 304 с.
7. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Санкт-Петербург, 1973. 202 с.
8. Мильдон В. И. Что же такое экранизация? // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 9–14.
9. Челюканова О. Н. Особенности экранизации повести А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» // Успехи современной науки и образования. 2017. Том 3, № 5. С. 116–119.

REFERENCES

1. Agafonova N. A. Obshchaya teoriya kino i osnovy analiza fil'ma [General theory of cinema and fundamentals of film analysis]. Minsk: Tesej, 2008. 392 p. (In Russ.).
2. Arzamasceva I. N. Detskaya literature [Children's literature]. Moscow: Academia, 2005. 574 p. (In Russ.).
3. Babushkina A. P. Istoriya russkoj detskoj literatury [History of Russian children's literature]. Moscow: Uchpedgiz, 1948. 480 p. (In Russ.).

4. Detskaya literatura [Children's literature] / V. P. Anikin, V. V. Agenosov, E. Z. Gankina i dr.; pod red. E. E. Zubarevoj. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 399 p. (In Russ.).
5. Kichin V. Davnym-davno, segodnya i vseгда... [Once upon a time, today and always...] // Sovetskij ekran [Soviet Screen]. 1981. № 11. P. 4. (In Russ.).
6. Korovina V. Ya. Literatura [Literature]. 5 klass. Ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij. V 2 ch. Ch. 1. Moscow: Prosveshchenie, 2012. 304 p. (In Russ.).
7. Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Saint-Petersburg, 1973. 202 p.
8. Mil'don V. I. Chto zhe takoe ekranizaciya? [What is a film adaptation?] // Mir russkogo slova [The world of the Russian word]. 2011. № 3. Pp. 9–14. (In Russ.).
9. Chelyukanova O. N. Osobennosti ekranizacii povesti A. Pogorel'skogo «Chernaya kurica, ili Podzemnye zhiteli» [Features of the film adaptation of A. Pogorelsky's story «The Black Hen, or the Underground Inhabitants»] // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya [Successes of modern science and education]. 2017. Tom 3, № 5. Pp. 116–119. (In Russ.).

THE TALE «THE BLACK HEN, OR THE UNDERGROUND
INHABITANTS» BY A. POGORELSKY AND ITS 1980 FILM
ADAPTATION (AN INTERMEDIATE APPROACH IN LITERATURE
LESSONS AT SCHOOL)

Yana A. Ryadinskaya

Magister, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract

One of the most effective ways to involve modern schoolchildren in the reading process is for them to watch a film adaptation of a literary work and further discuss it in an intermediate-type lesson. The content of such a lesson can be, in particular, a comparative analysis of the literary text (the story-tale of A. Pogorelsky «The Black Hen...») and the film text (the film adaptation of the director V. Gres'). As you know, Pogorelsky's work has a didactic orientation, but the educational task itself is solved by building a fascinating romantic fantasy story about the boy's journey to the «other» world. Director V. Gres' in his film version of the story focuses on the story of the moral fall and resurrection of the boy Alyosha, explores the «purity and harmony of childhood», and also recreates the historical era – St. Petersburg of the late XVIII century. V. Gres' finds cinematic means to depict the romantic duality; visualizes images

and events only mentioned or implied by Pogorelsky. Comparing works related to different types of arts, one should take into account the specifics of the «language» of literature and cinema, fixing in the lesson both the similarities between the two texts and the differences between them. To do this, the teacher must select and use two sets of the most representative terms, literary and cinematic. Among them: 1) plot, image system, character, psychology, historicism, interior, detail, etc.; 2) plan, angle, frame, editing, light, color, sound, etc. During the intermediate lesson, such forms and techniques as a table, schematization, and conscious application of the terms studied should be used. As a result, students should come to the idea of the «complementarity» of the two texts.

Keywords: A. Pogorelsky, V. Gres', Film adaptation, Intermediality, Methods of teaching literature at school

Для цитирования: Рядинская Я. А. Повесть-сказка «Черная курица, или подземные жители» А. Погорельского и ее экранизация 1980 года (интермедиаальный подход на уроках литературы в школе) // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 70–79.

Поступила в редакцию 07.08.2022

РАЗДЕЛ VI. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81-25; 81-26

ББК 81.432.4–55

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_80

S. V. Kharitonova¹

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

ORCID 0000-0002-4603-9387

s.haritonova@magtu.ru

ON THE ISSUE OF TECHNOLOGIES FOR TEACHING A PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE AT A TECHNICAL UNIVERSITY

Abstract

The expansion of international cooperation in the economic, industrial and cultural spheres has created an urgent need for modern society in highly qualified specialists who are able to conduct business communication in foreign languages. In this regard, a foreign language for professional purposes has become an indispensable element in the training of future engineers. The system of foreign language teaching at the university is being intensively developed in terms of introducing modern methods and technologies that ensure the development of a full-fledged, independent and comprehensively developed student personality, capable of raising its educational level throughout life. The purpose of the article is to consider the technological approach to teaching foreign language for professional purposes. To improve the process of teaching a foreign language at a technical university, interactive technologies are used, an example of which is the project method. The general characteristic of using the project method in foreign language classes is presented. The productivity of the application of the project method is shown.

Keywords: higher education, professionally-oriented training, interactive technologies, project method, foreign language

Introduction

---

¹ S. V. Kharitonova – PhD in Pedagogic, Associate Professor? Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

A foreign language is one of the components in the training of highly qualified competitive specialists. In the process of studying it at the university, the task is not only to master communication skills in a foreign language, but also to obtain and accumulate knowledge in the chosen specialty, as well as to create conditions for their further independent development. E. E. Sukhova notes that in addition to the development of communicative and professional competence, new educational standards also require the formation of a number of general cultural and professional competencies in the process of teaching a professionally oriented foreign language [4, 170].

It seems necessary to focus on the main problems that stand in the way of successful mastery of a foreign language by students of technical fields and outline potential ways to avoid them. Firstly, it is necessary to take into account the limited number of hours allotted for the study of the disciplines "Foreign language" and "Foreign language in professional activity", as well as the different degree of proficiency of students in a foreign language.

To create a more favorable environment for students and teachers, it is necessary to turn to interactive teaching methods, which are based on the motivation of students' activity. They contribute to the education of interest in professional activity using a foreign language.

The main part

Interactive technologies are aimed at activating the cognitive activity of the maximum number of students who, during the learning process, realize and discuss their own ideas and thoughts and suggestions of their classmates. The collective work of students in the course of studying various sources of information on a given topic, preparing presentations and reports, assumes that each participant contributes to achieving the final result. In addition, joint activities take place in a friendly atmosphere of mutual assistance aimed not only at mastering new material, but also at developing cognitive activity and the spirit of partnership.

Active learning technologies include: problem-based learning technologies, project technologies, modular technologies, technologies of heuristic questions, brainstorming, role-playing, business games, round tables, classes, competitions, discussion and much more. The issues of educational technologies in teaching a professionally oriented language at a technical university are actively considered in the works of A. I. Dubskikh [3], N. N. Zerkina [2], L. P. Kostilova [5], S. V. Kharitonova [11; 12] etc. Since the main intention of mastering a foreign language is aimed at the ability to use it as a means

of communication, when studying the discipline "Foreign language in professional activity" it is advisable to resort to the use of interactive technologies, in particular the project method.

The article used a set of theoretical and empirical research methods: theoretical analysis of the literature on the topic, observation of the results of students' work on the implementation of projects.

Methods of active and interactive learning in the process of teaching a professionally oriented foreign language have a long history and remain one of the most effective, both in technical universities and in working with students of other professional fields. Among them, the project method differs in that it offers a presentation in a foreign language of a thematic professional problem, a task and implies the search for a specific solution in the process of learning a foreign language. This method develops professional communication skills, as well as independence, search, research activities [7], contributes to increasing the level of general competence of future engineers, as it provides an additional opportunity to update professional knowledge, skills and abilities. Moreover, the application of the project method contributes to the formation of the necessary competencies: intercultural [5], communicative and a number of professional. In the process of implementing the method, it implies the development of a creative approach to solving the problem by the student and the skill of independent work with electronic resources and in educational environments.

There are different classifications of projects. The choice of a certain type of project depends on the goals and objectives of the training. In the methodological literature, the stages of work on projects are distinguished, which, summarizing, can be reduced to the following: 1) formulation of the project topic; 2) collection of information; 3) systematization of the results obtained; 4) creation of a project for the purpose of its practical application; 5) presentation of the project [8]. The implementation of the project can be individual, paired or collective. Each project should end with a specific result in the form of a slide presentation, an abstract, a virtual tour, a booklet, etc.

When organizing classes using the project method, special attention should be paid to the choice of language material and the creation of comfortable productive learning conditions in which students could feel their success, intellectual self-sufficiency [1].

When planning a project on a professionally oriented foreign language, it is also necessary to take into account a number of circumstances:

- the subject of projects should overlap with the specialization chosen by students;

- students should be able to navigate the information about the achievements of world science and technology, the stages of scientific and technological progress, outstanding personalities who have made scientific

discoveries, as well as the peculiarities of speech behavior and business etiquette;

- the project topics offered to students should be integrative in nature and be aimed at studying problems from related fields of knowledge;

- all students should have assignments and tasks for the project.

Working on the project is combined with the creation of a solid language base. When working on a project, a foreign language acts as a means by which students receive the information they need. Each project is dedicated to a selected topic, which takes a certain amount of time to develop, and is carried out at the final stage of work on it. However, the preparation for the project is carried out during the previous classes. Projects implemented in the classroom are both long-term and short-term, occupying one classroom lesson.

Work on a project on any topic is carried out in several stages: the preparatory stage, the planning stage, the research stage, the report-presentation of research results, the stage of evaluating the results of the project.

Defending the project work, students should express their point of view on a certain problem and argue it, as well as answer questions. Students who listen to the speaker's speech should note the main advantages and disadvantages of the presented work, offer their solution to the problem [9].

Conclusion

Nowdays an important criterion for the professionalism of a specialist in any field of work is readiness for business communication in a foreign language, since the successful outcome of business contacts with foreign partners depends on its formation.

The effectiveness of teaching a professionally oriented foreign language depends on the methods used. Interactive technologies are one of the most popular today.

Interactive learning aimed at finding a joint response helps to develop adaptability, communication, cognitive abilities, the ability to listen and respond at the right moment, which is nothing more than a culture of communication. By presenting a group project to classmates, or by sharing their ideas in a group, students learn self-presentation. The content of the work will determine the level of its complexity, respectively, and the level of language training.

The use of interactive methods has a positive effect on motivation, the psychological climate in the audience, the formation of interpersonal relationships and social roles. An interactive approach to teaching helps to find a suitable educational strategy that can be used in professionally oriented foreign language classes.

When studying a professionally-oriented foreign language, the project method allows you to create a creative atmosphere both

in the classroom and outside it, since the project involves creative cognitive activity. And this activity is focused on the formation of a complex of knowledge and skills, develops independence, the ability to think logically, search for the necessary data and work with them, and also develops the ability to plan, competently express their thoughts and ideas, and so on. The project method helps to switch attention from performing exercises to the cognitive activity of students, which requires proficiency in certain language means for their registration.

REFERENCES

1. Voevoda E. V. Problems and factors of effective professional language training of students of non-linguistic specialties during their adaptation at the university // *Human capital*. 2017. № 9 (105). Pp. 39–42. (In Russ.).
2. Butova A. V., Dubskikh A. I., Kisel O. V., Chigintseva E. G. Electronic educational environment Moodle in English language training // *Arab World English Journal*. 2019. Vol. 10. (1). Pp. 47–55. (In Eng.).
3. Dubskikh A. I., Zerkina N. N. The role of a teacher in the process teaching a professionally oriented foreign language at a technical university // *Modern trends in the development of the education system*. Cheboksary: Publishing House "Wednesday", 2018. Pp.108–110. (In Russ.).
4. Dubskikh A. I., Kisel O. V., Bosik G. A. Development of foreign-language professional and communicative competence of students through a differentiated approach // *Modern problems of science and education*. 2019. № 4. Pp. 85. (In Russ.).
5. Ilyushina A. V. Modeling of the process of formation of intercultural competence of students in teaching a foreign language // *Psychological and pedagogical search*. 2018. №1(45). Pp. 169–175. (In Russ.).
6. Kostikova L. P. Formation of competencies of research activities of undergraduates in a foreign language // *Psychological and pedagogical search*. 2018. №1(45). Pp. 72–79. (In Russ.).
7. Polat E. S. *Modern pedagogical and information technologies in the education system: studies. manual for students. higher. studies. institutions*. 3rd ed., ster. Moscow: Publishing center "Academy", 2010. 368 p. (In Russ.).
8. Sukhova E. E. The main periods of the history of teaching a professionally oriented foreign language // *Problems of teaching a professionally oriented foreign language at a university: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Ryazan State University named after*

S. A. Yesenin (Ryazan, March 23-24, 2015). Ryazan: Publishing House "Concept", 2015. Pp. 96-99. (In Russ.).

9. Temple Ch. The development of critical thinking through reading and writing in the higher education system: strategies for use in any subject areas. New York: Open Society Institute, 2002. Pp. 46. (In Eng.).

10. Kharitonova S. V. Culturological aspect in the interaction of language and culture // Actual problems of theoretical and applied research: language, culture, mentality: materials of the international scientific and practical conference. Magnitogorsk: Publishing House Nosov Magnitogorsk State Technical University. University. 2014. Pp. 256–259.

11. Kharitonova S. V Digitalization in education // Actual problems of modern science, technology and education: abstracts of the 79th International Scientific and Technical Conference. Magnitogorsk: Publishing house Magnitogorsk. State Technical University. G. I. Nosov University, 2021. Vol. 2. Pp. 348. (In Russ.).

12. Kharitonova S. V. Technologies of teaching a professionally oriented foreign language at a technical university // Actual problems of language training at a technical university: traditions and innovations. Proceedings of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference with international participation. Under the general editorship of L. A. Baranovskaya. 2020. Pp. 87–91. (In Russ.).

Литература

1. Воевода Е. В. Проблемы и факторы эффективной профессиональной языковой подготовки студентов нелингвистических специальностей в период их адаптации в вузе // Человеческий капитал. 2017. № 9 (105). С. 39–42.

2. Butova A. V., Dubskikh A. I., Kisel O. V., Chigintseva E. G. Electronic educational environment Moodle in English language training // Arab World English Journal. 2019. Vol. 10. (1). Pp. 47–55.

3. Дубских А. И., Зеркина Н. Н. Роль преподавателя в процессе обучения профессионально ориентированному иностранному языку в техническом вузе // Современные тенденции развития системы образования. Сборник статей. Чебоксары: Чувашский республиканский институт образования, 2018. С. 108–110.

4. Дубских А. И., Кисель О. В., Босик Г. А. Развитие иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов посредством дифференцированного подхода // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4. С. 85.

5. Илюшина А. В. Моделирование процесса формирования межкультурной компетенции студентов в обучении

иностранному языку // Психолого-педагогический поиск. 2018. № 1 (45). С. 169–175.

6. Костикова Л. П. Формирование компетенций научно-исследовательской деятельности магистрантов на иностранном языке // Психолого-педагогический поиск. 2018. № 1 (45). С. 72–79.

7. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов. 3-е изд. Москва: Академия, 2010. 368 с.

8. Сухова Е.Е. Основные периоды истории преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязан. гос. ун-та имени С.А. Есенина. Рязань: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство «Концепция», 2015.С. 96–99.

9. Temple Ch. The development of critical thinking through reading and writing in the higher education system: strategies for use in any subject areas. New York: Open Society Institute, 2002. Pp. 46

10. Харитоновна, С. В. Культурологический аспект во взаимодействии языка и культуры // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык, культура, ментальность: Материалы международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 15 марта 2014 года. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2014. С. 256–259

11. Харитоновна, С. В. Цифровизация в образовании: иностранные языки // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тез. докл. 79-й международной научно-технической конференции. Т. 2. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2021. С. 348.

12. Харитоновна, С. В. Технологии обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в техническом вузе // Актуальные проблемы языковой подготовки в техническом вузе: традиции и инновации. Сборник трудов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. П/р Л. А. Барановской. Красноярск: ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», 2020. 2020. С. 87-91.

**К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО
ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

С. В. Харитонова

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания
и литературоведения, Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова,*

455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38

Обусловленная социальным заказом общества разработка способов обучения профессионально-ориентированным иностранным языкам является одной из самых актуальных аспектов преподавания иностранных языков. Иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки современного специалиста технического профиля. Система иноязычного образования в ВУЗе получает интенсивное развитие в плане внедрения современных методов и технологий, обеспечивающих развитие полноценной, самостоятельной и всесторонне развитой личности студента, способной повышать свой образовательный уровень в течение всей жизни. Цель статьи – рассмотреть технологический подход к преподаванию профессионально-ориентированного иностранного языка. Для совершенствования процесса преподавания иностранного языка в техническом вузе используются интерактивные технологии, примером которых служит метод проектов. Представлена общая характеристика использования метода проектов на занятиях иностранного языка. Показана продуктивность применения метода проектов.

Ключевые слова: высшее образование, профессионально-ориентированное обучение, интерактивные технологии, метод проекта, иностранный язык

Для цитирования: Kharitonova S. V. On the Issue of Technologies for Teaching A Professionally Oriented Foreign Language at a Technical University // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 80–87.

Поступила в редакцию 10.07.2022

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двадцать первом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание 4 номера 2022 (двадцатого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в декабре 2022 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Предполагаемый раздел номера.

4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора MicrosoftWord 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – ***Фамилия_статья*** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор MicrosoftWord для Windows. Шрифт – ***Times New Roman***, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полуужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полуужирным курсивом). На пятой и следующих строках

(выравнивание по правому краю) – *ORCID автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (**без слова Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – TimesNewRoman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор

научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: **«ДИАЛОГИ» С ПАРНИ**

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

---

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2022. 3 (21)

Научный рецензируемый журнал

Сдано в набор 14.10.2022. Подписано в печать 30.10.2022.
Дата выхода 10.11.2022.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1
Плоская печать. Усл. печ. л. 4,79. Тираж 500 экз. Заказ 2043.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.